

НИКОЛАЙ СКИБА

СТРАЖ ПОРОГА

Пульс 160

A rectangular, semi-transparent blue box with a thin white border. Inside the box, the text 'СТРАЖ ПОРОГА' is at the top. Below it is a green ECG (heart rate) line graphic. At the bottom, the text 'Пульс 160' is displayed.

УКРОТИТЕЛЬ

Южный Раскол

Николай Скиба

**Укротитель. Зверолов
с Юга. Книга 2.**

«Автор»

2026

Скиба Н.

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 2. / Н. Скиба — «Автор»,
2026 — (Южный Раскол)

Двадцать лет работы с хищниками научили меня - они не прощают суеты. Я погиб в огне, голыми руками вырывая тигра из заклинившей клетки. А очнулся на социальном дне чужого мира, в теле Зверолова по имени Рик. Мой новый дом — «Яма», грязный питомник магических монстров. Местные псевдо-укротители лишь калечат тварей кнутами, превращая их в тупой утиль. Там, где они видят безумного демона из Раскола, я вижу удивительное создание, которое нужно обуздать. Я покажу местной "элите", что такое опыт настоящего укротителя. А для начала — просто монетизирую их мусор, выбью себе свободу и заберу власть в "Яме". Новые главы будут выходить понедельник-среда-пятница.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Скиба

Укротитель. Зверолов с Юга. Книга 2.

Глава 1

— БЫСТРЕЕ, РИК! БЫСТРЕЕ! ОНИ УЖЕ БЛИЗКО!

— МОЛЧИ! — рявкнул я.

Кара бежала в пяти метрах впереди, и я слышал её рваное дыхание сквозь стук собственной крови в ушах.

Каменная крошка хрустела под ногами и разлеталась из-под подошв мелким серым вее-ром. Ноги вязли в рыхлом грунте, правое колено простреливало на каждом толчке, и мешок за спиной бил по пояснице тупой четырнадцатикилограммовой кувалдой.

Любой нормальный человек давно бы его сбросил. Но внутри лежали собранные за четыре дня ресурсы, которые позволят нам с Карой жрать мясо месяц, а не давиться баландой. Мой внутренний хозяйственник орал, что лучше сдохнуть от одышки, чем выбросить такую прибыль в грязь.

Хитиновый нагрудник тёрся о рёбра, и от каждого вдоха грудную клетку стягивало так, будто кто-то накинул на неё петлю и тянул назад.

Потому что бежали мы очень долго, и даже наши тренированные тела уже не справлялись.

Назад я старался не оборачиваться, потому что и без того знал, что там.

Шесть тварей. Плотная атакующая формация — три в центре, по одной на флангах, одна замыкающая. Они держали ровный крейсерский темп метрах в двухстах от нас.

Гончие не спешили. Я сфокусировал взгляд на замыкающей твари.

Песчаная гончая.

Пuls: 110.

Частота дыхания: 28.

Мышечный тонус: Передний плечевой пояс: 88%. Длинные разгибатели спины: 82%. Квадрицепс задних лап: 65%. Средние лапы: 68%.

Пuls для бегущей твари был подозрительно низким. Дыхание ровное и без сбоев. С такими мышцами они не тратят силы на рывок. Их длинные сухожилия работают по принципу пружины, возвращая энергию при каждом шаге. Идеальные биомеханические машины для загонной охоты.

Теперь понятно, почему Кара хотела себе такую.

Опыт +15.

Система беззвучно отреагировала на мою догадку, начислив опыт за интеллектуальное проникновение — так уже было с Притворщиком.

Шесть лап давали этим тварям скорость вдвое выше нашей, и стая шла за нами, экономя силы и выжидая момент, когда добыча выдохнется и замедлится.

Час назад они появились на восточном гребне — шесть низких силуэтов на фоне рас-светного неба. Стая увидела нас — две одинокие фигуры, которые уже четыре дня скитались по их территориям, не в силах вернуться домой.

Потому что на город Семи Хвостов сейчас шло самое масштабное нападение тварей Рас-кола. Прилив начался неожиданно и сейчас там, у стен, разворачивалась настоящая бойня. Путь был отрезан сотнями тварей из самых страшных кошмаров.

Полчаса назад я понял, что на ровной равнине стая шестилапых гончих нас всё-таки настигнет. Математика была простой и безжалостной: наша скорость проигрывала существам, рождённым для погони.

Разница накапливалась с каждой минутой.

Двадцать минут назад мы с Карой сменили курс на северную стену Зубов — те самые острые пики. Наш единственный шанс — вертикаль, на которую шестиногие твари залезть не смогут.

Я оглянулся — коротко, полсекунды.

Дистанция до вожака: сто восемьдесят метров. Сокращают, гады.

При текущей разнице скоростей стая закроет дистанцию за две минуты. До стены оставалось метров двести. Впритык — если не споткнёмся, не оступимся и не сбавим темп.

Кара бежала ровно и экономно, по рваной траектории, обходя крупные камни короткими шагами и не тратя ни одного движения на панику. Она не оглядывалась — знала, что я за ней. Где-то в её южном теле жила память на бег, которую Яма не выбила.

— ВАРК! — Сзади раздался короткий охотничий вой. Отрывистый и гортанный, он больше походил на обрубленный лай. За ним — второй, чуть правее и сразу третий, ещё правее.

Я покосился через плечо.

Вожак — крупная гончая с рваным левым ухом — коротким рыком скомандовал фланговый обхват. Две твари отделились от формации и длинными скачками уходили вправо, забирая дугу.

Местные называли это магией Раскола. Я называл это стайным рефлексом. Никакого телепатического суперорганизма — просто идеальная дрессура дикой природы, где вожак задает вектор, а остальные реагируют на положение его хвоста и ушей. Через минуту эта дуга отрежет нам путь к стене с восточной стороны.

Но всё равно... ЧЕРЕСЧУР умные твари.

Их координация работала, как часовой механизм.

Шесть мозгов, объединённых в один — хищный суперорганизм из Раскола, против которого два человека с мечами стоили меньше, чем два жука на тропинке.

До стены оставалось сто метров.

— Левый угол! — крикнула Кара, не оборачиваясь. — Трещина широкая, смотри!

Я увидел — длинная диагональная трещина шла от самого основания почти до верха серой скальной стены. По её краям выступали узкие карнизы и каменные зубцы, за которые можно было ухватиться. Ширина трещины — сантиметров сорок-пятьдесят, достаточно, чтобы протиснуться боком и подниматься, упираясь спиной в одну стенку и ногами в другую.

До стены оставалось пятьдесят метров.

Под рёбрами горело — сухой обжигающий жар, который я мгновенно узнал. В одну из ночных смен, тигр Амур вышиб решётку вольера и три минуты ходил по служебному коридору, а я стоял в тупике с ведром в руке и чувствовал, как тело горит изнутри, будто кто-то влил кипяток вместо крови. Тогда обошлось — Амур развернулся и ушёл обратно в вольер. Сейчас стая за спиной разворачиваться не собиралась.

Тридцать метров отделяли меня от камня.

Позади нарастал дробный топот — частый стук больше двух десятков лап по камню, от которого грунт мелко вибрировал под моими подошвами.

Двадцать метров — и ноги уже не чувствовали камней.

Кара добежала до стены и с разбегу вцепилась в первый выступ обеими руками. Быстро подтянулась рывком без раздумий — и полезла вверх по трещине, упираясь ногами в одну стенку и спиной в другую. Мешок волочился за ней и скрёб по камню.

Я добежал на полсекунды позже. Поставил ногу на первую опору — узкий каменный зубец у основания трещины — и потянулся вверх. Пальцы нашли выступ, рука напряглась, и тело пошло вверх, мешок дёрнул назад.

Позади, всего метрах в тридцати, раздался хриплый вой вожака, перешедший в захлёбывающийся рык. Дробный топот сменился тяжёлым мерным галопом — стая перешла на спринт.

Кара лезла первой, и я видел только её сапоги, которые мелькали над моей головой, находя опоры с такой точностью, от которой у меня сжималось горло. Её навыки оказались гораздо сильнее навыков сорокалетнего зоотехника.

Косая трещина давала точки опоры через каждые полметра — выступы, зубцы, узкие щели, в которые влезала носок сапога или три пальца.

Кара бросала команды вниз:

— Левее. Там шире.

— На тот выступ не лезь, он трухлявый.

— Ногу ставь в щель, не на край.

Я делал, как она говорила.

Молодое тело слушалось — руки хватали, ноги толкали, спина упиралась в одну стенку трещины, колени в другую. Я был два метра ростом, и сейчас это стало преимуществом.

Но мышц для скалолазания у этого тела не было — прежний Рик никогда не лазал по скалам, и мои руки искали опоры наугад, без той автоматической памяти, с которой Кара находила каждый зубец.

Мне приходилось закрывать пробелы чистым расчётом — куда поставить ногу, как распределить вес, какой рукой тянуться.

Внизу выли гончие.

Я покосился вниз — в пятнадцати метрах под моими ногами на серой площадке метались шесть силуэтов.

Мышечный тонус: Передний плечевой пояс: 88%. Длинные разгибатели спины: 82%. Квадрицепс задних лап: 65%. Средние лапы: 68%.

У них смещён центр тяжести. С шестью лапами он идеальный бегун по горизонтали, но показатели задних конечностей говорили сами за себя — для вертикального прыжка ему тупо не хватает рычага и мышечной массы, чтобы вытолкнуть такое тяжелое тело вверх.

Вожак с рваным ухом отошёл на пять шагов от стены, присел на задние лапы и прыгнул — шесть лап разом оттолкнулись, и расщеплённая пасть клацнула на высоте двух с половиной метров. Когти скрежетнули по камню, и зверь сорвался обратно на площадку, подняв облако серой пыли.

Снова разбег. И снова прыжок. На третьей попытке вожак зацепился передними когтями за нижний выступ и на мгновение повис — тяжёлое мускулистое тело раскачивалось в полутора метрах от земли, задние лапы скребли по камню, — а потом когти соскользнули, и гончая рухнула на площадку со злым разочарованным воем.

Анатомию не обманешь. Они нас не достанут — если мы продолжим подниматься.

Кара уже была на двадцати метрах. Она обернулась и посмотрела вниз — на отстающего брата. Ждала и не торопила вслух, но её тяжёлый взгляд говорил всё, что нужно.

Быстрее, Рик.

Я подтянулся на очередном зубце, переставил ногу в узкую щель и полез дальше. Предплечья уже закислились и горели, пальцы начинали неметь — каждый перехват требовал усилия, которое минуто назад давалось легко.

На тридцати метрах трещина упёрлась в карниз.

Я поднял голову и увидел проблему. Каменный козырёк шириной в полтора метра нависал над нами отрицательным уклоном — горизонтальная плита, которая выпирала из стены, как нижняя челюсть великана.

Чтобы продолжить подъём, нужно было перебраться через этот козырёк наверх.

Кара добралась до карниза, ухватилась за край, подтянулась и перекатилась через козырёк одним текучим движением — как ящерица.

Я добрался до козырька и остановился.

Внизу — пустота и серые камни площадки, на которой метались гончие. Опасно, мать его...

Вожак задрал плоскую голову и терпеливо смотрел на меня жёлтыми щелевидными глазами.

Я жду тебя, мясо. Жду. Начинай и сорвись. А я подхватчу.

Надо мной — каменная плита, по которой нужно перебраться, вися на руках, без опоры для ног. Всё нужно сделать на чистой силе предплечий.

Я прикинул свои шансы.

Перекатиться, как Кара, не могу — моя спина не обладает такой гибкостью, а навык так же перетекать препятствия отсутствует. Оставался единственный вариант — вцепиться в край козырька, повиснуть на руках и перебираться перехватами, пока ноги болтаются над тридцатиметровой пустотой.

В своём старом теле с убитой поясницей я бы даже пытаться не стал — просто спрыгнул бы вниз, чтобы закончить всё быстрее. Но это тело... Густая кровь южанина, аномальная плотность мышц и связки, которые ещё не знают, что такое артрит. Мозг просчитал нагрузку на плечевые суставы. Выдержу. Скорее всего.

Если мешок не перевесит.

Ну! С богом...

Ухватился за край козырька обеими руками, оторвал ноги от последней опоры и повис.

Тело качнулось. Мешок за спиной мёртвым грузом потянул вниз, и плечевые суставы чуть не хрустнули от рывка. Пальцы впились в шершавый камень, и каменная крошка посыпалась мне в лицо.

Первый перехват. Правая рука отпустила край, метнулась вперёд и нашла следующий выступ. Тело качнулось влево, мешок ударил по пояснице.

Второй перехват. Левая рука вперёд.

ТВОЮ МАТЬ!

Пальцы соскользнули, и сердце провалилось в желудок — но подушечки нашли щель в камне и впились в неё, как крючья.

На пятом перехвате предплечья загорелись так, что перед глазами поплыли белые пятна. Мышцы кричали на языке, который не нуждался в переводе: «Отпусти». «Хватит, ты не справишься». «Просто отпусти».

Шестой перехват. Пальцы тряслись. Камень под ладонями стал мокрым от пота, и хват слабел с каждой секундой.

Седьмой — и над краем козырька появилась рука Кары. Она лежала на животе, свесившись через край, и её пальцы железной хваткой сомкнулись на моём запястье. Она тянула, а я толкал свободной рукой, и через три секунды мой локоть перевалился через край, затем грудь и, наконец, колено.

Выполз на карниз и рухнул лицом в камень.

— Ух, мать моя... — выдохнул я.

Лежал и хрипло, рвано дышал — с присвистом, который означал, что лёгкие работали на пределе. Пальцы дрожали так, что я не мог сжать кулак. Предплечья пульсировали болью, и по ладоням текла кровь из содранной кожи — мелкие порезы от каменных зубцов, которые я не чувствовал во время подъёма.

Рядом тяжело дышала Кара. Она сидела на краю карниза, свесив ноги, и смотрела на гончих, которые кружили внизу крошечными серыми пятнами. Её ладонь легла мне на плечо и смахнула каменную крошку.

— Рик... В какую дрянь мы вляпались...

— Мы не за... уф... не закончили, Кара.

До вершины оставалось пять метров ровной стены с удобными выступами. Детская прогулка после того, через что мы прошли.

Я перевернулся на спину и посмотрел в бледно-голубое небо, бездонное — без единого облака.

Бам. Бам. Бам.

Колокола города Семи Хвостов отсюда звучали тихо — далёкий приглушённый гул, похожий на гудение пчелиного улья.

Прилив продолжался.

И Зов Кары горел, отсчитывая дни.

Я сел, отряхнул ладони от крошки и крови и полез дальше.

После карниза последние пять метров и вправду выглядели подарком — широкие и надёжные ступенчатые выступы через каждые полметра. Как лестница, которую кто-то нарочно вырубил в скале.

Кара уже была наверху — на два метра выше меня, на последнем выступе перед кромкой. Я видел её сапоги и край мешка, свисавшего с плеча.

Поставил правую ногу на широкую полку. Левая нашла следующую опору — узкий выступ шириной в две ладони, серый снаружи и рыжеватый в глубине трещины.

Рыжина означала пористую породу, выветренную изнутри.

Если бы я думал головой, а не ногами — то проверил бы камень прежде, чем переносить вес.

И я совершил эту ошибку.

Раздался тихий хруст — словно наступил на сухой лист. Я услышал его за долю секунды до того, как почувствовал, что выступ под левой ногой дрогнул, дал сдвиг и обломился.

Кусок камня размером с кирпич полетел вниз, кувыркаясь и стуча о стену. Удар о землю донёсся через три секунды.

Агрх!

Тело сработало раньше мозга.

Правая рука метнулась вверх и вцепилась в ближайший край. Левая хватанула воздух, провалилась, нашла узкую вертикальную трещину и вогнала в неё три пальца до вторых фаланг.

Левая нога болталась над пустотой. Правая стояла на обломке полки, на половине стопы — остаток выступа, который мог обломиться в любую секунду.

Я висел на стене, растянутый между двумя ненадёжными точками, и воздух тянул меня вниз вместе с мешком.

Сверху донёсся глухой удар тела о камень — Кара бросилась на живот и свесилась через край последнего выступа. Её правая рука вытянулась вниз, пальцы раскрылись.

— Рик!

Голос был рабочий, без паники.

Мою левую руку от её пальцев отделяли жалкие двадцать сантиметров. Но я не мог перекрыть и этого — рука торчала в трещине, и если бы я вытянул пальцы, то потерял бы единственную верхнюю опору. Правая рука держалась за гребень на четырёх пальцах, и эти пальцы дрожали от усилия, которое убывало с каждой секундой.

Голова работала с ледяной ясностью, какая бывает только на краю.

Вариант первый — держаться и ждать. Кара не дотянется — длины руки не хватит. Я провишу ещё секунд пятнадцать-двадцать, пока пальцы правой руки не разожмутся от усталости. Потом просто упаду вниз.

Второй — один прыжок. Оттолкнуться от остатка полки правой ногой, рвануть тело вверх и влево, к руке Кары. Для этого нужно одновременно отпустить трещину левой рукой и выпустить гребень правой — долю секунды лететь без опоры, вне камня и контроля, надеясь, что Кара поймает.

Молодая эндокринная система взорвалась выбросом адреналина. Тело орало от первобытного ужаса, требуя вжаться в скалу и замереть. Но сознание старого циника жёстко перекрыло этот клапан. Паника убивает быстрее гравитации.

Мозг за мгновение пережевал оба варианта и выплюнул результат: первый — смерть наверняка, второй — риск огромный, но шансы выше нуля.

Посмотрел вверх. Глаза Кары расширились чуть ли не до блюдец. В её взгляде стояло единственное слово. Давай!

Я выдохнул, сбрасывая лишнее напряжение из грудной клетки.

Правая нога упёрлась в остаток полки. Левая рука выдернулась из трещины. Правая ладонь отпустила гребень.

РЫВОК!

Тело пошло вверх и влево — остатки сил, которые я вложил в толчок.

На мгновение — долю секунды, которая растянулась до бесконечности — я летел. Ничего не держало, пальцы хватали воздух, а мешок за спиной тянул вниз.

Никакого страха не было — только холодная фиксация факта, что четырнадцать килограмм ресурсов за спиной безжалостно ломали траекторию. Вектор тяги смещался вниз. До руки сестры не хватало буквально спичечного коробка.

Гравитация не оставляла времени на философию.

Выбор между капиталом и жизнью был очевиден.

Я прямо в воздухе резко дёрнул правым плечом, сбрасывая лямку. Гружённый мешок соскользнул по спине, освобождая тело от балласта. Меня тут же подкинуло на спасительные пару сантиметров вверх.

А потом ладонь Кары ударила по моему запястью и сомкнулась.

— Агрх! — выдохнула она сквозь зубы, принимая на себя вес двухметрового парня. Плечо хрустнуло, но она удержала. — ДЕРЖУ, Рик! Держу!

Внизу, в тридцати метрах под нами, раздался глухой удар и звук бьющегося хитина.

Я скосил глаза. Мой мешок рухнул прямо в центр стаи. Герметичные хитиновые контейнеры разлетелись вдребезги. Едкая щелочь и некротическая кислота из желез скорпиковоров смешались в адский алхимический коктейль, окатив морды двух гончих.

Твари истошно завизжали, катаясь по камням и пытаясь стереть лапами дымящуюся шерсть. Вожак отскочил в сторону, рыча на едкое облако испарений.

Месяц сытой жизни, все реагенты, что мы собрали — всё это превратилось в дымящуюся лужу дерьма на серых камнях.

Я висел над пропастью, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая, холодная ярость.

Уважаемые читатели, всем привет, на связи автор! Надеюсь, вы наслаждаетесь историей так же, как и я. Что хотелось бы сказать – рад, что вы с такой теплотой встретили этот цикл произведений. Впереди у нас как минимум шесть книг. Напоминаю, что действие происходит в мире Раскола, и укротитель – это второй цикл по этому миру. Первый называется Егерь. Системный Зверолов.

Я заметил, что не особо принято обсуждать сюжет, что ж, так давайте это исправим! Я буду с вами на связи, читаю все комментарии и с удовольствием отвечаю! Так же

читатель могут общаться и друг с другом. Так что, если у вас появится желание высказаться – смело пишите в комментарии!

И ещё – буду очень рад, если вы наставите этой книге 5 звёзд! Спасибо! Прода, как обычно – три дня в неделю (пн, ср, пт).

Глава 2

Мой рывок прошил правое плечо от запястья до лопатки — горячая молния, от которой потемнело в глазах. Тело мотнулось маятником — на мгновение весь мой вес повис на тонком запястье сестры, которая держалась за расщелину наверху одной левой рукой.

Кара держала. Её лицо побагровело, стиснутые зубы обнажились, жилы на шее вздулись буграми — но пальцы сжимались с железной хваткой, которая отказывалась разжиматься.

Левая рука в трещине, правая нога на выступе — я перекинул вес и полез. Хват держал. — Нормально, — просипел я.

Кара разжала пальцы. Подтянулся на обеих руках, перевалился через край и упал на горячий камень лицом вниз.

Рядом рухнула сестра — разом и всем телом, как подрубленная. Она перевернулась на спину и замерла. Мы лежали на узкой площадке на самой вершине северной стены Зубов — над нами висело синее утреннее небо без единого облака.

Внизу завывали гончие. Этот злой, разочарованный вой поднимался по стене, отражался от скал и уходил в небо. Добыча ушла.

Минуту мы лежали и хрипло дышали. Потом я сел, прислонился спиной к тёплому камню стены, и огляделся.

Площадка оказалась узкой — метров шесть в длину и два в ширину, с неровным каменным полом, который обрывался в пропасть с трёх сторон. За площадкой в скале темнел карман — расщелина, уходившая вглубь метра на четыре, с низким потолком в полтора метра. На дне лежала сухая мелкая щебёнка, и внутри сильно пахло пылью.

Кара села напротив меня, у противоположной стены. Она быстро убрала правую руку под левую подмышку и прижала к рёбрам — с автоматизмом, словно давно привыкла скрывать боль.

Но я увидел. Запястье распухло — над косточкой наливалась тёмная синева.

Молча открыл мешок Кары — тот самый, в который уложили медикаменты от Варга, потому что мой мешок был чересчур тяжёлый. Распределяли вес. Всё, что я купил, удалось сохранить — мазь Буко, бинты, три лечебных зелья от Тессы. Её рана была не настолько опасной, чтобы безрассудно тратить зелье — мы в тяжёлой ситуации. Поэтому достал бинт, баночку мази и положил рядом на камень. Потом потянулся к её руке.

Кара отдёрнула запястье.

— Сама справлюсь.

Голос был таким же жёстким, как хитиновая пластина. Она включала этот тон каждый раз, когда кто-то мог сделать нечто, что она посчитала бы своей слабостью.

Я не стал спорить. Сел на место, положил бинт и мазь на камень между нами и убрал руки.

Кара глянула на бинт и на меня. В её глазах сдвинулось что-то, что копилось давно — недели, может месяцы, с того момента, как я проснулся в этом теле и стал кем-то другим.

— Ты бы улетел вниз, малой, — тихо сказала она. — Я тебя удержала на одной руке. На одной! А ты недавно делал всё, чтобы я подумала... Что не нужна тебе. Что я — сраная бесполезность.

— Малой? — я поморщился.

— А как ещё называть того, кому спасла шкуру?

Я молчал.

— Когда мы шли к Зубам — ты со мной разговаривал как с младшей. То не делай, так не ходи, туда не смотри. Эти дни мы гоняли по грёбаной пустоши, стараясь выжить. Но ты кое-что забыл. Это всегда ты был со мной. Не наоборот! Это я тащила тебя всю жизнь. Я семнадцать

лет тебя кормила одной порцией еды, и себе не оставляла, потому что даже тебе одному там было мало! Я ничего не забыла, малой. Я просто терпела.

Каждое слово падало тихо и с шипением. Кара говорила без крика или надрыва — именно от этой ровности становилось тяжелее.

— Я всё это помню, — спокойно ответил я.

Внутри кольнуло чужое, юношеское чувство вины, но я жестко задавил его. Грёбанный Рик. Оставил мне в наследство не только слабое тело, но и социальные долги. Кара была права в каждом слове. С точки зрения стайной иерархии, я резко вырвал у нее статус вожака, не имея на то исторического права. Для нее это выглядело как пугающая аномалия.

— Помнишь, — повторила она с горечью, которую держала внутри так долго, что та успела окаменеть. — И всё равно лез вперед. Решал, считал, строил планы. А я смотрела на тебя и думала — мой брат стал кем-то странным, и я не знаю, кем. И мне было страшно. Из-за того, что я тебя теряю. Заметь, не мешок, который упал — да и чёрт с ним. Тебя!

Наступила тишина.

Ветер гнал по площадке мелкую серую пыль, и далеко внизу гончие перестали выть.

Я смотрел на каменное лицо Кары, на её распухшее запястье, и понимал, что она права. Да, так и есть. Всегда лез вперед, потому что делал так всю свою жизнь.

— Ты не потеряешь меня, — сказал я и широко улыбнулся. — Сама же вытащила из пропасти.

Кара криво усмехнулась. Потом медленно вытащила правую руку из-под мышки и протянула ко мне ладонью вверх.

Я взял её запястье обеими ладонями. Каждое движение обозначал взглядом прежде, чем сделать — привычка, когда трогаешь чужую боль. Сначала покажи, чего собираешься коснуться, и лишь потом коснись. Со зверями это спасало руки. Здесь я бы назвал это доверием.

Прощупал пальцами кость — цела, смещения нет. Связки растянуты, отёк локализованный, без глубокого кровоподтёка. Пальцы двигались, хоть и с болью. Растяжение — день тугой фиксации, и рука вернётся в строй.

Нанёс мазь Буко тонким слоем — густая зеленоватая масса пахла горькой полынью и медью. Холод мази прошёл по распухшей коже, и Кара чуть выдохнула через нос — облегчение, которое она постаралась скрыть.

Потом плотно намотал бинт — в три слоя, фиксируя сустав в нейтральном положении. На последнем витке затянул узел, и у Кары чуть выгнулась верхняя губа от боли — единственное движение за всю перевязку, которое прорвалось сквозь контроль.

Я отпустил руку. Сестра медленно пошевелила пальцами, как будто проверяла инструмент. Согнула, разогнула и сжала в кулак. Не до конца, но сжала.

— Двигаются, — сказала она.

— Связки тянутся, — ответил я. — Не порваны. День-два — и сможешь работать.

Она кивнула и убрала перевязанную руку к себе на колени.

Над нами синело небо. Где-то за предгорьями продолжали бить колокола, напоминая о Приливе и о том, что дорога назад была отрезана. А Зов Кары всё горел.

Мы сидели на вершине скалы с её распухшим запястьем, полупустым мешком и стаей хищников у подножия. Мы потеряли ресурсы где-то на семь золотых. Да уж, план вылазки был на два дня, а мы застряли в пустошах уже на четыре — всё сразу покатило к чертям.

В кармане расщелины оказалось прохладнее и тише — каменные стены глушили ветер. Вой гончих доносился сюда размытым приглушённым эхом.

Я сел у входа, лицом к площадке, прислонившись плечом к шершавому камню. Отсюда просматривался весь край обрыва и кусок равнины внизу — серая каменистая плоскость, на которой кружили песочные силуэты у подножия стены.

Потянулся к системе. Контуры подсветились на пределе дальности — тридцать метров вниз.

Пульс жоака: 68. Рваный, раздраженный, но в пределах нормы — зверь перешел в режим осады и злости. Рядом с ним еще три контура с пульсом от 52 до 60.

А вот дальше картина менялась. Пятый контур лежал чуть в стороне, пульс: 140. Частота дыхания: 65. Болевой шок.

Шестой контур едва мерцал у самого основания скалы. Пульс: 18... 12... ноль. Контур погас.

Значит, мой алхимический коктейль сработал как надо. Одна тварь сдохла от химических ожогов дыхательных путей, вторая выведена из строя. Ценнейшие реагенты замешались при падении и обменялись на две боевые единицы противника. Паршивый курс конвертации, но это лучше, чем сдохнуть самому.

Оставшаяся четверка никуда не уходила. Хищники чуяли нас наверху и терпеливо ждали — знают, что добыча рано или поздно спустится.

В дальнем углу кармана с потолка капала вода. Мерный тихий стук — капля за каплей, по темному потёку на камне. Я достал из мешка пустую миску для еды и поставил. Через час наберётся глоток, через сутки — полфляги. Не роскошь, но лучше, чем ничего.

Кара сидела у дальней стены, привалившись затылком к камню, и всё сжимала и разжимала пальцы.

— Сколько они продержатся, Рик? — спросила она, не открывая глаз.

Я прикинул. Стайные хищники при осаде работали по одной и той же модели — как у волков, так и у гиеновых собак или львиных прайдов.

Первые сутки-двое стая держится сплочённо — общая цель и запах добычи, жоак всё контролирует. На третий день начинается расслоение — молодые теряют терпение, голод перебивает дисциплину, и самые нетерпеливые уходят искать другую добычу. К четвёртому дню внутренние конфликты за остатки иерархии разъедают строй. На пятый — стая распадается или переключается на более доступную цель.

— Три дня минимум, — сказал я. — Потом уже что-то можно будет думать. Но пока что мы застряли, Кара.

— Три дня, — повторила сестра. Она открыла глаза и посмотрела в потолок расщелины, где по темному камню ползла влажная дорожка от капли. — Знаешь, сколько дней у меня осталось? К утру будет восемь. Минус три дня — это пять. Минус полтора дня или два — обратно к месту охоты, если гончая вообще вернётся. И хрен знает, два ли дня, мы столько бежали, что я не уверена. Может понадобится больше дней. А значит, при лучших раскладах на поимку у меня останется день или два, Рик.

Она загибала пальцы здоровой левой руки, и с каждым её голос становился ровнее и тише — она не хотела считать.

— Если всё пойдёт идеально, без единой задержки, без второй стаи, без дождя, да и... Как ловить без приманки? Два дня? Это утопия, братец.

Я молчал, потому что арифметика была правильной.

— А если стая простоит пять дней? — продолжила Кара тем же ровным голосом. — Или если я по каким-то причинам не смогу обуздать свою тварь?

Она замолчала и долго смотрела в угол кармана, где капала вода. Капля падала в миску с тихим звоном — словно, отсчитывала её время.

— Придётся переждать, сестрёнка, — сказал я. — Стая уйдёт через несколько дней. Понимаю, сидеть на месте сложно, но надо. Не истери.

Кара медленно повернула голову в мою сторону. Взгляд был такой, что под рёбрами похолодело. Выстраданная, окончательная решимость — словно она уже всё обдумала.

— Я не стану Пустой, Рик, — тихо сказала она. — Ты будешь пытаться меня держать, но мне плевать. И вот что я тебе скажу — если я останусь в этой расщелине все эти дни — то спрыгну вниз. Лучше так, чем подсобником с мёртвыми руками до конца жизни. А будешь держать... Ну ты понял.

Это были тяжёлые и неподвижные слова, без единой щели для возражения. Она говорила это тем же тоном, которым недавно сказала: «Лучше сдохнуть за стеной, чем быть Пустой» — и тогда я ей поверил.

Поэтому поверил и сегодня, в очередной раз восторгаясь самоотверженностью девчонки, которую знал всего лишь месяц.

Я думал. Впервые за долгое время у меня остались только варианты, каждый из которых был хуже предыдущего. Если ждать — Кара действительно спрыгнет. Спускаться — так стая нас разорвёт. Искать другой путь вниз? Его просто нет.

Снаружи, далеко внизу, протяжно и тоскливо завывла гончая.

С наступлением ночи темнота в кармане расщелины стала плотной, как ткань, и пахла собственным потом.

Я сидел у входа с кремниевым ножом на колене.

Серебристый лунный свет заливал половину площадки за моей спиной, и длинные тени от скальных зубцов лежали на камне, как чёрные пальцы. Вторая половина тонула в темноте, и где-то там, в глубине кармана, на щебёнке спала Кара — до меня доносилось её ровное тихое дыхание.

Внизу двигались шестипалые твари. До меня доносилось негромкое ворчание и шорох тела о тело — стая устраивалась на ночлег у подножия стены. Каждый звук поднимался по отвесу, будто кто-то прижал ухо к трубе.

Я потянулся к системе.

Вожак лежал в центре полукруга — пульс 42, глубокий покой. Три гончие рядом с ним, от 44 до 48, лишь у той, с болевым шоком, зашкаливал. Последняя — молодая сука, самая мелкая в стае — отделилась от полукруга и ушла на запад. Её контур медленно двигался от подножия, удаляясь.

Я зафиксировал направление и стал ждать.

Через сорок минут она вернулась. Пульс поднялся до 78 — похоже на охотничий разогрев, короткая погоня. В зубах она тащила что-то тёмное, размером с крупную кошку — грызун или мелкая ящерица, добытая на равнине. Стая зашевелилась. Вожак поднял голову, и молодая сука положила добычу перед ним.

Стая начала делить мясо. Вожак, не торопясь, начал рвать крупные куски. За ним — две самки, старшие по иерархии. Потом молодые, последними. Охотница, которая принесла добычу, ела в самом конце и получила меньше всех.

Раньше я видел такое только в записях с африканских заповедников — дикие гиеновые собаки, с их железной иерархией. Там тоже вожак ел первым, охотники последними, и стая держалась вместе годами, пока смерть или болезнь не разрушала структуру. Эти пять голов работали по той же схеме, и от этого понимания мне стало не по себе.

Потому что стая не голодает. А если не голодает, то на третий день не распадётся. Она может сидеть в осаде хоть две недели — пока вожак считает, что добыча наверху стоит ожидания. Мой расчёт про пять дней строился на допущении, что голод разьест дисциплину. Теперь это допущение рассыпалось — равнина кормила стаю, и уходить им было незачем.

Я откинул голову к стене и закрыл глаза. От каменной стены и через подошвы от щебёнки тянуло холодом, который забирался под кожу и оседал в костях. Костра в кармане развести было нельзя — в замкнутом пространстве дым не отведёшь, задохнёмся за десять минут, да и не из чего было.

Молодое тело выдерживало — кровь южанина с упрямством гоняла тепло по жилам.

Время тянулось густой вязкой лентой. Я сидел и слушал ночь, думая о чём-то, чего уже и не вспомнить.

Через час за моей спиной зашуршала щебёнка. Кара повернулась во сне, её рука потянулась вперёд — пальцы коснулись моего плеча. Это было лёгкое, сонное прикосновение, от которого по лопатке прошло тепло. Секунда — и рука убралась обратно.

Я не двинулся. Сделал вид, что не заметил, и продолжал смотреть в лунный свет на площадке.

Через десять минут Кара отвернулась к стене. Её дыхание снова выровнялось. Впервые за все эти месяцы она спала так, будто рядом было безопасно. Это странно, но хорошо.

Она заслужила этот сон. И я собирался дать ей выспаться, пока мог.

Снаружи протяжно завывала одна из гончих. Тоскливый звук. Стая ответила короткими голосами, один за другим: вожак, потом старшая самка, потом молодые.

Переключка перед сном. Стая проверяла, что все на месте.

Я думал о том, что Кара хотела именно этого зверя. Быстрого и координированного — такого, который умел жить в группе и подчиняться иерархии, но при этом в одиночку выходил на охоту и приносил добычу. Она выбрала правильно. Этот зверь был похож на неё.

Вот только сейчас он сидел у подножия скалы и ждал, когда мы спустимся, чтобы нас сожрать.

Луна ползла по небу. Колокола города Семи Хвостов давно стихли, но в памяти продолжал звучать их тяжёлый бронзовый гул — напоминание о Приливе, о том, что сейчас где-то там идут тяжёлые бои за существование человеческого вида.

Для обычного человека этот каменный уступ был тюрьмой и камерой смертников. Для меня — изолированный карантинный блок. Идеальное место, где ничто не отвлекает от работы.

Завтра жалость Кары к себе закончится. Если мы застряли здесь на несколько дней, я выжму из этого времени всё. Я заставлю её работать и заниматься.

Если придет время спускаться...

Мы будем готовы.

Глава 3

Рассвет пришёл медленно — серый свет сочился через вход в расщелину и полз по щёбёнке.

Я не спал. Дремал короткими отрезками, по десять-пятнадцать минут, как когда-то дежурил у вольера Султана в первый месяц после того, как взял над ним шефство. Сейчас просыпался от каждого скрежета когтей по камню вниз.

Тело ныло — спина задубела от каменной стены, шея не поворачивалась влево. Плечи горели тупой свинцовой болью, которая обещала стать хуже к вечеру.

Кара села и растёрла плечи ладонями. Я взглянул на её запястье — отёк за ночь спал, синева побледнела до жёлто-зелёного. Она аккуратно покрутила кистью, проверяя амплитуду. Поморщилась на крайней точке разгибания, но кулак сжала почти полностью.

— Как рука? — спросил я.

— Да, жить будет, — Кара разжала кулак и согнула пальцы по одному, будто пересчитывала их.

— Выспалась?

— Странно, но первый раз за то время, что мы в пустошах — поспала нормально. Раньше просыпалась каждые два часа от того, что метки чешутся. А тут вырубилась и не помню ничего до рассвета.

— Знаю, — я улыбнулся. — Слышал, как ты просыпалась в каморке. Каждую ночь. Даже до Зова.

Кара бросила на меня короткий взгляд с тем выражением, будто узнала, что я могу больше, чем она думала. Потом отвела глаза и потянулась к мешку.

Мы молча поделили последнее вяленое мясо — три жёстких и солёных ломтя. По одному с небольшим каждому. Кара жевала медленно, разглядывая стену кармана, на которой утренний свет высвечивал тонкие прожилки кварца.

Я ел быстро.

Последний ломоть закончился, и я убрал пустую тряпку обратно в мешок. Еда кончилась. Оставались две фляги воды — одна полная, вторая на треть.

Взглянул на миску под капелью в дальнем углу кармана. За ночь набралось на четверть. Направление опять сместилось — вода текла теперь чуть правее, и часть капель падала мимо миски на щёбёнку. Я снова переставил миску, но понимал — при таком темпе за день наберётся маловато, и на двоих по жаре этого хватит часов на шесть.

— Рик, — позвала Кара. Она смотрела на миску с тем же выражением, что и я. — Думаешь, сегодня будет жарко?

— Камень нагреется к полудню. В кармане будет терпимо, но на площадке можно жариться, как на сковородке.

— Тогда воду пьём по два глотка в час. Строго по расписанию, и ни капель больше.

— Угу.

Старшая сестра привыкла распределять ресурсы, когда им обоим нечего было жрать. Я не стал спорить, потому что она была права, и потому что это означало важную вещь — Кара включилась.

Сон на скале сделал для неё больше, чем все мои слова.

С площадки донёсся протяжный звук — длинный тягучий зевок, от которого у меня свело скулы. Зевок в присутствии стаи означал расслабление — сигнал остальным, что непосредственной угрозы нет и можно снизить бдительность на ступень.

Взглянул вниз.

Молодая сука-охотница сидела чуть в стороне от остальных и вылизывала переднюю лапу. Ни одна из тварей не проявляла признаков беспокойства, голода или намерения уйти.

К полудню камень на площадке раскалился так, что я обжёл ладонь, когда выглянул ещё раз проверить стаю.

В кармане расщелины ещё держалась прохлада — каменный навес экранировал солнце, воздух внутри оставался терпимым, хоть и сухим до хруста в горле. Но снаружи равнина плавилась в мареве — горячий ветер нёс запах раскалённого камня и серы.

В третий раз за час потянулся к системе и мазнул Анализом вниз.

Стая переместилась к восточной стороне скалы — в тень, которую отбрасывал скальный выступ. Четыре гончие лежали на камне с опущенными мордами и замедленными пульсами — 38, 40, 42, 44.

Получено опыта +5.

Обожжённая тварь отошла от болевого шока. Все четверо были разморены жарой, высушили языки наружу и часто дышали.

А вот вожак остался стоять и смотрел вверх — на нашу площадку. Дежурит, падла.

Я не забыл того, что у меня оставалось четыре очка улучшений. Настал ли тот момент? Что ж, если до конца дня ничего не изменится, придётся тратить. Тратить вслепую, и это глупо. Но может стать шансом.

А пока займусь сестрой.

Кара ходила по карману туда-сюда.

Четыре шага в одну сторону, разворот, четыре обратно. Она двигалась, как зверь в тесной клетке. Плечи напряжены, кулаки сжаты, челюсть стиснута. Татуировки на предплечьях горели всё ярче — она прятала руки в рукава робы, потому что смотреть на собственный обратный отсчёт было невыносимо.

Но это время, которое она тратила без моего участия — так что повременим. Пока держится — это только на руку.

На третьем часу хождения Кара резко свернула к выходу из расщелины и остановилась на краю площадки.

Я увидел, как она неотрывно посмотрела вниз.

— Их пять, — сказала девушка вслух, считая гончих. — Три отдыхают, две на ногах. Вожак — слева, второй от валуна. Если я спущусь и успею связать вожака — он прогонит остальных. У меня появится зверь и шанс закончить Зов.

— Что? — я поднялся с щёбёнки.

— Я свяжу вожака, Рик! — она обернулась. В её глазах загорелось пламя азарта. — Это лучше, чем сидеть без дела и считать дни, пока метки гаснут. Вожак — он сильный, быстрый, координированный. Нужно стать альфой и задавить. Я сделаю это!

Медленно пошёл к ней, обозначая каждый шаг, как ко зверю, который стоит на краю и может прыгнуть.

— Не подходи, — Кара выставила здоровую руку. — Я всё решила.

Я остановился в шаге от неё. Ближе было нельзя — одно резкое движение, и она могла шагнуть вперёд из упрямства.

Вожак внизу поднял плоскую голову и смотрел на нас.

— Кара, — сказал я спокойно. — Это не твой зверь.

— Откуда ты знаешь?!

— Ты бы почувствовала своего. Так Танис говорил, и Шип говорил то же самое. Тебя тянет к этому вожаку? По-настоящему тянет — изнутри, так, что не можешь объяснить?

— Меня тянет, — быстро ответила она.

— Точно? Или ты придумала это, потому что он ближайший, а ждать невыносимо?

Кара открыла рот — и осеклась. Золотистый блеск в глазах дрогнул. Она стояла на краю площадки со сжатыми кулаками и молчала.

Полминуты тишины. Ветер гнал по камню мелкую пыль. Вожак отвернулся и лёг обратно в тень.

— Не знаю, — наконец сказала Кара, и голос у неё сел. — Куда-то тянет, но... Может, ты и прав. Это новое чувство, Рик. Я раньше такого не ощущала и не могу отличить Зов от собственного страха.

— Если ты хоть на секунду усомнилась — значит, внизу не твой зверь, — сказал я. — Танис потерял гончую и живёт с мёртвыми руками. Когда будет твой — ты не усомнишься. А пока есть сомнение — ждём. Хорошо?

Кара стояла на краю и всё ещё смотрела вниз. Ветер трепал её робу, и красные линии на предплечьях пульсировали всё сильнее, ускоряясь с каждым часом.

Потом она сделала шаг назад.

Развернулась и молча ушла обратно в карман расщелины. Села у дальней стены, обхватила колени руками и уткнулась в них лбом.

Плечи мелко подрагивали от злости, бессилия и Зова, который жёг её изнутри и толкал к любому безрассудному действию, лишь бы не гаснуть.

Сел на щебёнку в полутора метрах от сестры.

Не близко — чтобы не вторгаться в пространство, которое она выстроила вокруг себя, как стену. Но в такой зоне, где моё присутствие ощущалось телом.

Смотрел ей в линию между бровями, чуть выше глаз. Так смотрят на дрейка, когда нужно удержать контакт и не спровоцировать атаку: прямой взгляд в зрачки читается хищником как вызов, а взгляд мимо — как слабость. Точка между бровями — нейтральная зона.

Я начал медленно дышать. Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Тем ритмом, который за двадцать лет стал автоматическим, как моргание. В вольере с Султаном, когда тигр вставал на дыбы и ревел так, что тряслись стёкла, я дышал именно так — и через три минуты тигр ложился, потому что его нервная система считывала мой пульс через запах выдоха и подстраивалась.

Дыхание Кары шло рваными короткими толчками.

Я молчал и дышал. Вдох — четыре. Выдох — шесть. Вдох — четыре. Выдох — шесть.

Через минуту её плечи чуть опустились. Движение было неосознанным — тело само ответило на ритм, который заполнял тесное пространство расщелины. Кара не заметила момент, когда чужое тело начинает отзеркаливать твоё. Напряжение по капле уходило из мышц.

Да, это было странно, но работало. Человек — тот же зверь. Кто-то скажет, что это не так...

Ха. Продолжайте так думать.

Главное правило дрессировщика: не торопи. Одно резкое движение, слово или даже изменение ритма дыхания — и зверь прочитает это как новую угрозу и сорвётся обратно. Дай лишнюю минуту.

Кара медленно подняла голову и посмотрела на меня — в подбородок, будто тоже знала это правило. Её дыхание постепенно подтягивалось к моему ритму — вдохи стали длиннее, выдохи тяжелее, паузы между ними растянулись до секунды.

Зверь успокаивается, когда понимает, что рядом есть кто-то спокойнее, чем он. Кто-то, кому можно временно отдать управление. Это передышка, которую зверь берёт, чтобы потом спокойно встать на собственные лапы.

Минуты текли. В дальнем углу всё капала вода. Снаружи доносилось сонное ворчание гончих, разморённых жарой.

Через десять минут Кара разжала руки на коленях и выпрямила спину. Дрожь в пальцах ушла, дыхание пошло ровно, в моём ритме.

— Рик, — тихо позвала она. — Ты что делаешь?

— Ничего.

— Пытаешься контролировать? Я тебе не зверь, — сестра фыркнула.

— Знаю, — ответил я. — Ты не при чём. Твой Зов сейчас рвётся к выходу, и он сильнее тебя. Успокоиться — отличный выход.

— Хорошо, — просто ответила Кара.

Я продолжал дышать. Четыре — шесть. Четыре — шесть. И Кара дышала рядом, в том же ритме, и свет на её предплечьях горел ровно, как маяк, который ждёт корабль.

А потом я заговорил. Спокойно и жестко, не меняя ритма дыхания.

— Знаешь, почему ты чуть не прыгнула вниз?

Кара молчала, глядя на свои почерневшие от пыли руки.

— Думаешь, это Зов? — я хмыкнул. — Это биология, сестренка. Стресс. Твоя магия зверолова работает как адреналин, она требует выхода, а мы заперты в каменном мешке. Не поверишь, но дикие кошки от такого же стресса начинают грызть собственные лапы. Твой мозг сейчас ищет любой повод для драки, даже самоубийственный, лишь бы сбросить напряжение.

Кара подняла на меня глаза. В них уже не было фанатичного блеска, только усталость.

— И что мне делать, Рик? Просто сидеть и ждать, пока я сгорю?

— Нет. Мы переключим твой рефлекс.

Поднялся с щебенки и кивнул ей.

— Хватит жалеть себя. Иди к краю. Только не высовывайся.

— Зачем?

— Будем работать. Пока они сидят внизу, мы изучим их так, как никто до этого не изучал.

Кара недоверчиво подошла к краю расщелины. Я встал рядом.

— Смотри на них, — скомандовал я. — Не как на свою смерть и не как на мистический Зов. Смотри как мясник на тушу. Ищи изъяны. Ты охотница, Кара. Расскажи мне про вожака.

Она нахмурилась, вглядываясь в серые силуэты внизу.

— Он крупнее. Левое ухо порвано.

— Это всё не то. Ты — будущий зверолов со зверем духа. И ты будешь лучше, чем каждый из местных. Смотри на поведение, на тело и привычки, — оборвал я. — Как он ставит лапы?

Кара прищурилась. Минуту мы стояли в тишине.

— Средняя правая лапа, — наконец медленно произнесла она. — Он переносит вес чуть быстрее, чем на левую. Припадает.

— Верно. Это старая травма сустава. Что еще?

— Когда вон та гончая подошла слишком близко к валуну, вожак зарычал, но голову не повернул. Это нормально?

— Хорошо заметила. У него слепое пятно слева, — кивнул я. — Из-за рваного уха. Там, скорее всего, шрам на роговице. Запоминай это, Кара. Если нам придется спускаться и драться, мы будем бить в слепую зону и валить его на больную лапу.

Я видел, как меняется её лицо. Лихорадочная дрожь ушла — на её место пришел холодный фокус. Магия Зова никуда не делась, татуировки всё так же горели, но теперь эта энергия питала не панику, а анализ.

Через час у нас был детальный разбор стаи. Мы знали, кто из гончих спит чутко, кто хромает, и как они распределяют сектора обзора.

Кара сидела у стены и крутила в руках свой короткий меч.

— Ты специально это сделал, — тихо сказала она, не поднимая глаз от клинка. — Разложил их на куски мяса и привычек. Чтобы я перестала их бояться. И не видела в них своего зверя.

— Я сделал это, потому что мы в тяжёлой ситуации, Кара, — привалился затылком к камню. — Ждать три дня мы не будем. Завтра, когда солнце снова раскалит камни и стая станет вялой, мы сбросимся им на головы как сюрприз. Тебе лучше?

— Лучше. Рик... — она на секунду замялась. — А если ты прав, и там нет моего зверя? Допустим, мы выживем и убьём их, а на четырнадцатый день я ничего не почувствую.

— Тогда и будем это решать, сестрёнка. Не нагнетай понапрасну.

Кара повернулась ко мне. В её глазах стояла серьёзность, от которой мне стало не по себе.

— Раз мы решили спуститься... — медленно заговорила она. — Что ты будешь делать? Как выживешь?!

Я молчал. Знал, к чему ведёт.

— Я наблюдала за тобой всю дорогу до Зубов. Ты бесстрашен, да. Но ты ни разу за двое суток не вытащил меч из ножен. Ни разу. А потом и вовсе отдал мне его, чтобы мешок тащить удобнее.носишь клинок на поясе как украшение?

— Не как украшение, — сказал я.

— А как тогда?

— Как инструмент, который может не понадобиться.

— А если понадобится — ты им человека зарежешь?

Чёрт... Чётко бьёт, прицельно. Но врать не буду. У меня отсутствуют необходимые навыки.

— Нет, — сказал я.

— Я так и думала, — Кара кивнула без удивления.

Этот разговор я откладывал с первого дня. Сначала думал — утрясётся, в городе как-нибудь найду способ. Потом всё понеслось таким галопом, что стоит признать — не утрясётся. Любой клановый зверолов положит меня за секунды.

Потому что они учились всему с рождения, а я здесь лишь месяц, и за плечами лишь занятия кикбоксингом.

— Кара. Я умею драться кулаками. Вполне сносные навыки. Со зверями работать тоже могу, и ты видела, насколько хорошо. А вот мечом... нет.

В её взгляде смешались изумление и та особенная нежность, которая может быть только у старшей сестры. Но Кара никогда бы не призналась в ней.

— Рик. Ты столько сделал за последние недели в Яме. Совсем другим стал. И ты мне сейчас говоришь, что меч в руке не удержишь?

— Удержу. Но толку с этого будет как со скребка в руках Варга. Махну — и уроню себе на ногу.

— Ха-ха-ха-ха, — Кара открыто засмеялась. В голос и запрокинув голову, — смех эхом зазвенел в тесной расщелине. Впервые на моей памяти она смеялась так, будто вспомнила, что умеет.

— Господи, Рик. Кто тебя вообще пустил в «Яму».

— Никто. Я за тобой всегда шёл.

— Вот-вот. И кто за тобой приглядывал, пока ты не нашёл свои яйца? — она усмехнулась и поднялась с щёбёнки. — Так, ладно. Вставай. К стене. Бери свой меч.

Я вытащил клинок из ножен. Короткий одноручный меч с зазубринами на кромке и тёмными пятнами ближе к гарде. Тяжелее, чем кремниевый нож, и в руке ощущался иначе — центр тяжести смещался к острию, клинок тянул кисть вперёд и вниз.

— Хват, — скомандовала Кара. — Покажи, как держишь.

Я обхватил рукоять всей ладонью, как черенок лопаты. Кара посмотрела, закатила глаза и подошла вплотную.

— Мать моя. Ты его держишь, как будто дрова рубишь, — она перехватила мою кисть. — Четыре пальца плотно обхватывают рукоять, мизинец и безымянный сжимают сильнее всего — они держат меч при ударе, чтобы не вылетел. Указательный и средний — свободнее, они управляют направлением. Большой палец ложится на плоскость рукояти сбоку, прижимается — через него ты чувствуешь, куда идёт клинок. Если сожмёшь все пять одинаково — кисть задубеет, и после третьего удара ты не сможешь пошевелить пальцами.

Она поменяла мне хват. Разница ощущалась сразу — клинок перестал тянуть кисть вниз и лёг в ладонь, как продолжение предплечья.

— Теперь стойка. Ноги шире плеч. Ещё шире ставь! Колени согнуты, присядь, вдави себя в землю. Центр тяжести — между стопами, низко, чтобы тебя не опрокинули первым же толчком. Левую ногу вперёд, правую назад, стопы под углом — передняя смотрит на противника, задняя развёрнута для упора при ударе. Вот так!

— Дьявол, — я улыбнулся. — Да погоди ты, это всё так не запомнишь.

— А ты запоминай, — сурово парировала Кара.

Девушка будто забыла, где мы находимся и вошла в азарт. Тем лучше.

Я расставился, присел и выставил левую вперёд. Кара обошла меня по кругу, оценивая, и без предупреждения с усилием толкнула меня в правое плечо двумя руками. Я качнулся, но устоял.

— Годится. Теперь плечи. Левое вперёд, оно закрывает грудь. Правое отведи назад — рука с мечом стартует от бедра, клинок прижат к ноге остриём вниз. Противник не видит длину твоего оружия, пока ты не ударишь. Если выставишь меч перед собой — он прочтает дистанцию и подстроится. Держи у бедра — пусть гадает.

Я прижал клинок к правому бедру.

— Когда ты всего этого набралась? У кого?

— У очень известного человека, по имени «закрой свой рот и работай, раз попросил», — Кара усмехнулась.

— Понял-понял, — я хмыкнул.

Она кивнула, отошла на два шага и вытянула свой меч.

— Смотри. Два удара. Первый восходящий, снизу вверх, по диагонали. Самый простой и самый смертельный, потому что он идёт из мёртвой зоны — снизу, откуда противник не ждёт. Целишь под рёбра, в мягкое между бронёй и поясом.

Она медленно показала, по элементам. Корпус чуть качнулся влево, уходя с линии встречного удара. Правая нога коротко шагнула вперёд, вес перенёсся с задней ноги на переднюю. Правая рука пошла от бедра вверх по диагонали, и клинок прочертил в воздухе дугу от колена до плеча воображаемого противника. Всё движение заняло секунду — уклон, шаг, удар.

— Видел? Уклон разворачивает корпус, корпус толкает бедро, бедро гонит руку. Сила идёт от земли через ноги прямо в твой таз, из таза в плечо, а оттуда в клинок. Рука — это только проводник. Вот ты про клановцев говорил, а они настолько в себе уверены, что бездумно руками и машут. Но мы на это права не имеем, понял? Если будешь бить одной рукой — за три удара выдохнешься. А если бить телом — хватит и на тридцать. Давай, теперь ты.

Я попробовал. Уклон влево получился, корпус помнил, как уворачиваться. Шаг вперёд получился слишком широкий, вес ушёл на переднюю ногу, и я чуть не завалился вперёд.

Рукоять меча Кары больно впечаталась мне в левую ягодицу.

— Ай!

— Шаг короче, — отрезала она без тени сочувствия. — Тридцать сантиметров. Ты не прыгать на противника должен, а... подшагивать, понимаешь? Стопа ставится на всю подошву,

пятка первой. Если встанешь на носок — потеряешь равновесие и упадёшь на клинок врага. Он тебе за это спасибо скажет.

Я повторил. Шаг сделал короче, пятку первой.

Удар!

Клинок пошёл от бедра, но на полпути запястье провернулось, и остриё ушло вправо, мимо воображаемой цели.

— Стой, — Кара перехватила мою кисть. — Запястье! Если оно гуляет — клинок пойдёт куда хочет, а не куда ты целишь. Представь, что от локтя у тебя растёт длинный коготь. Коготь не гнётся.

Повторил ровнее. Ещё раз. И ещё, и опять ровнее.

— Ладно, вот второй удар, — Кара встала в стойку. — Горизонтальный, сбоку. Обходишь противника левым плечом и бьёшь в открытый бок — в почку, между рёбрами и тазом. Когда он поднимает руку для своего удара — бок открывается, и ты работаешь туда. Смотри.

Она показала. Левое плечо пошло вперёд и вбок, как створка двери, которая распаивается — и корпус развернулся, открывая правую руку для горизонтального удара на уровне пояса. Клинок прошёл параллельно земле, и кисть повернулась в конце, вкручивая остриё в цель.

Я попробовал. Левое плечо — нормально. На разворот корпуса потерял равновесие — сделал слишком широко. В момент удара рука пошла правильно, но клинок ударил плашмя, а не кромкой.

— Да что ж ты... — выдохнул я, раздражаясь.

Рукоять меча снова впечаталась мне в зад — на этот раз в правую половину. Я дёрнулся вперёд от неожиданности.

— Кисть доверни! — рявкнула Кара. — Будешь бить плашмя — только синяк оставишь, а противник тебе голову отрубит. Рик, ты же огромный!

Агрх...

Ладно, довернул кисть. Кромка пошла первой. Кара кивнула — в её глазах промелькнуло удовлетворение.

Она чувствовала себя лучше. Я видел это по каждому жесту, голос набрал командную силу. Кара учила, и это вернуло ей контроль.

И мне это было нужно. Потому что девочке, которая три часа назад стояла на краю и говорила про прыжок вниз, сейчас требовалось одно — почувствовать, что она сильнее кого-то. Что умеет то, чего не умеет человек, который последние недели решал вместо неё. Пусть выдохнет и побудет мастером. Мне от этого синяка на заднице ни холодно, ни жарко.

Мы работали час.

Кара поправляла каждое движение — и очень любила делать это ударом рукояти по тому месту, которое она считала нужным отбить. Ягодицы получили своё. Бедро тоже — когда я слишком широко расставлялся, она коротко пинала меня по внутренней стороне бедра, и я ахал, стискивал зубы и ставил ногу правильно.

Один раз я замахнулся слишком широко, и Кара шагнула внутрь моего замаха, подсекла переднюю ногу, и я полетел на щебёнку лицом вниз, а она встала надо мной и ткнула остриём меча в спину.

— Мёртв, — констатировала она. — Широкий замах — это приглашение. «Заходи, роднуля, дай мне клинка в мою тупую тушку». Ты открываешь весь корпус на секунду. Замах должен быть короткий, от плеча до бедра, не дальше! Силу бери из корпуса и ног. Не из руки!

Я поднялся, отряхнул щебёнку с робы и встал обратно в стойку. Ни слова возражения. Каждый удар рукоятью по моей заднице вбивал в мышечную память правильную позицию надёжнее, чем любое объяснение.

Привык учиться — это то немногое, что всегда удавалось хорошо.

Поэтому стоял у стены в пыли и с синяками на заднице и повторял за девочкой, которая дралась с детства.

К концу часа сумел сделать восходящий удар по диагонали, не потеряв равновесие и не выронив меч. Кисть доворачивалась, кромка входила первой, и запястье оставалось жёстким. Горизонтальный сбоку ещё шёл кривовато — бёдра не доворачивались. Клинок терял скорость на последней четверти дуги, но направление было верным.

Сестра разглядывала меня с выражением плотника, который оценивает свою сырую заготовку.

— На сегодня хватит, — сказала она. — Мышцы запомнят за ночь. Завтра ещё час.

— Завтра?

— Ох... — её глаза вдруг расширились, и она оглянулась. — Точно... Мы ведь будем спускаться. Ладно, значит выживем! Убьём этих тварей, я поймаю гончую и научу тебя в городе, когда вернёмся.

— Вот это другое дело, — я довольно кивнул и отхлебнул воды.

Кара села на щёбёнку и оценивающе взглянула на меня.

— Братец, скажу-ка я тебе одну вещь.

— Да? Ну скажи.

— Ты сильный и умный. Я это вижу — когда ты с гривошипом работал, когда монеты считаешь и как к работе относишься. Не знаю, где ты взял это упорство. Но если ты ещё и драться научишься — ты будешь страшным. Это редко бывает.

— Спасибо.

— Не благодари. Я тебя учу, чтобы ты живой был. Всё остальное мне неважно. Главное не оберни клинок против меня.

— Ты в своём уме? — я вскинул брови.

— Шутка, — она опять звонко рассмеялась.

К вечеру солнце повисло над западным горизонтом тяжёлым красным диском, и равнина окрасилась в цвета ржавчины и старой крови.

Я сидел у входа в расщелину. Внизу — знакомая картина. Вожак в центре, трое вокруг, охотница чуть в стороне. Пульсы от 40 до 50.

И вдруг — все пять контуров одновременно вспыхнули.

Пульсы скакнули разом: 40 стало 90, 44 стало 95, 48 стало 102. Пять сердец ударили в унисон, как будто кто-то щёлкнул невидимым рубильником.

Я подался вперёд и выглянул за край площадки.

Гончие вскочили, головы развернулись на запад. Уши прижались. Хвосты горизонтально опустились. Ни одна из пяти голов не смотрела наверх — они забыли про нас, потому что с запада что-то приближалось.

— РАУР! — Вожак коротко рыкнул.

Стая перестроилась за три секунды — из полукруга в клин, вожак на острие, фланговые по бокам, молодые сзади.

И они...

... ушли.

Сорвались с места и длинными скачками побежали прочь от Зубов. Пять песочных силуэтов растворились в серо-рыжем мареве равнины за полминуты.

— Кара!

Она вылетела из расщелины, как пробка из бутылки, и посмотрела вниз.

— Они ушли, — с придыханием заметила она. — Рик, они ушли!

— Кара... — выдохнул я.

Она повернулась.

С запада, из-за предгорий, поднималось облако пыли.

Живое, мать его, облако, которое росло, ширилось и наползало на равнину с медленной неотвратимостью надвигающейся грозы.

Сначала я видел только пыль, висящую над горизонтом плотной полосой, будто кто-то провёл по небу грязным пальцем.

Потом проступило движение.

Земля дрожала.

Я ощущал это подошвами даже через камень площадки.

Мерный тяжёлый гул, похожий на далёкий обвал — сотни лап ступало по каменистому грунту. Сотни тел в движении, и каждое добавляло свой удар к общему пульсу, который нарастал и нарастал, как сердцебиение зарытого в землю исполина, который просыпался.

Фронт растянулся на два километра.

Силуэты двигались волнами, перехлёстывая друг друга, как потоки грязной воды, сливающиеся в одну реку. Крупные тени катились по равнине и сминали кустарник, мелкие металась между ними стремительными росчерками, и над всей этой массой висел сильнейший рёв.

— ГРРАААААААР! — Он поднимался из сотен глоток одновременно, в котором отдельные голоса тонули без следа. Звук вибрировал в зубах, как гудение высоковольтной линии.

Я стол на вершине и смотрел на этот ошеломительный масштаб.

Живая река шла от горизонта к горизонту.

Прилив. Ещё один?! Нет, скорее этих тварей выбросило далеко от города, и теперь они объединились и шли в сторону города Семи Хвостов, который УЖЕ отбивался от нападения.

Закатное солнце освещало этих тварей сбоку, сотни теней перекрещивались и сливались в сплошной движущийся ковёр. Пыль над фронтом окрасилась в багровый цвет, и казалось, что горизонт горит.

Кара стояла рядом со мной и молча смотрела на запад. Ветер нёс звериный запах, в котором смешались мускус, аммиак и кровь.

Прилив шёл. И мы стояли на его пути.

— Нам не вернуться. Хана, Рик, — тихо сказала Кара.

Она была права. Дорога домой шла через предгорья, и скоро эта волна будет здесь, перекрывая путь домой, как это делала стая гончих. Выйти на равнину и пересечь фронт — самоубийство. Не успеем.

Переждать на вершине? Может быть, но мы не знали, будет ли это возможно.

Вибрация в камне под моими ногами стала сильнее. Прилив приближался к Зубам, и передовые тени уже мелькали у подножия южного пика.

Кара повернулась ко мне.

— И что делать, брат?

Глава 4

Передовые тени на горизонте двигались быстрее, чем я рассчитывал.

Тёмные точки росли и множились на фоне догорающего заката. Фронт Прилива шёл неровными волнами — передовые твари вырывались вперёд, отставшие подтягивались рывками, и вся масса пульсировала, как живое существо.

Я прикинул скорость по ориентирам вроде крупного валуна на равнине, который стоял к западу от Зубов. Передовые тени ещё не прошли его. При такой скорости первые твари окажутся у подножия через час, может чуть меньше.

Вот зараза, мы на этой площадке как два маяка — нет ни единого шанса, что твари не почуют человеческий запах. Любая может свернуть.

В голову пришла идея. А что, если?..

Придётся рискнуть!

Сейчас или никогда.

— Кара, — позвал я. — Слушай меня внимательно.

Она мгновенно собралась и посмотрела мне в глаза.

— Внизу лежитдохлая гончая и мой мешок. В мешке осталась наша верёвка. Она тебе понадобится.

Кара посмотрела вниз — на тридцатиметровую стену, которая уходила в темноту.

— Хочешь отправить меня туда?

— Я бы и сам полез, но лазаю гораздо хуже тебя. Только ты можешь успеть.

— Что ты задумал?

— Нам нужно спрятать запах. Тогда появится шанс выжить. Ты полезешь вниз, заберёшь мешок, верёвку и разделаешь тушу, — продолжил я. — Мне нужны определённые вещи с гончей. Садись, покажу.

Я сел на шебёнку, достал из мешка сестры обломок хитиновой пластины и уголёк. Быстро и коряво нарисовал контур гончей сбоку. Грубовато, кособоко, но с нужными пропорциями. Шесть лап, плоская голова, вытянутый корпус и хвост.

— Первое. Раздвигаешь кишки и ищешь желудок и печень. Под печенью будет плотный зеленоватый мешочек — желчный пузырь. Вырезай его вместе с куском печени, чтобы не проткнуть. И сам желудок тоже режь целиком.

— Поняла, — Кара слушала с сосредоточенным выражением лица. Руки у неё были боевые, не поспоришь, а вот разделочного опыта — ноль.

— Второе, и самое мерзкое, — я жестко посмотрел ей в глаза. — Поднимаешь хвост. По бокам от анального отверстия, прямо под кожей, есть два мешочка размером с крупный орех. Это параанальные железы. Не трать время на аккуратность — выкромсай их вместе с шерстью и мясом.

— Зачем нам это дерьмо? — Кара скривилась.

— Желчь и полупереваренная падаля из желудка — это едкая дрянь. Она собьет им нюх и покажет, что территория залита отходами, — ответил я.

— Ты говоришь какие-то непонятные вещи, — она с сомнением смотрела на рисунок хвоста. — Как это может работать?

— Железы под хвостом — это концентрат звериного ужаса. Когда гончая подыхала в агонии, она выбросила в них секрет паники. Для любого хищника это биологический стоп — здесь убивают. Большинство мелких и средних тварей обойдут нас по дуге.

Кара кивнула. В глазах мелькнуло уважение к знанию, которое она видела впервые.

— Третье, — я провёл линию по правой стороне шеи. — Тут ярёмная вена. Если в ней осталась кровь — слей во флягу. Размажем кровь у входа, усилит эффект. Просто перережь и слей.

— Ну и последнее, и самое важное, — обвёл правый бок. — Шкура. Мне нужен кусок с бока. Режь как получится, рви, тяни, главное — притащи хоть какой-то пласт, чтобы закрыть вход. Нож кремниевый, он быстро сядет, так что работай грубо.

Я протянул Каре свой клинок.

— Если будет надо — ломай, хрен с ним.

Кара взяла нож, вытянула лезвие на сантиметр, проверила кромку ногтем и убрала обратно.

— Если кровь не польётся — значит, свернулась, — добавил я. — Не теряй на неё время. Бери остальное.

— А мешок? — спросила Кара.

— Мешок бери, свалишь всё в него. Верёвкой обвяжешь вокруг себя.

— Я пошла?

— У тебя на всё сорок минут. Сорок пять — потолок. Я буду следить за фронтом. Если крикну — бросаешь всё и лезешь вверх. Всё, без исключений! Даже если ты на середине разреза.

Кара кивнула, не колеблясь ни секунду.

— А ты что будешь делать? — спросила она, затягивая ножны на поясе.

— Готовить вход. Тут будет нужна вся моя грубая сила.

Кара молча поднесла к лицу правое запястье и туго затянула зубами узел бинта, фиксируя сустав намертво.

— Рука выдержит? — спросил я, глядя на повязку.

— Времени достаточно прошло. И я не слабак, Рик, — мрачно ответила она. — Главное, не делать резких рывков правой. Основной вес буду держать на ногах и левой руке.

Кара подошла к краю площадки. Потом перекинула ногу через край и нашла первую опору на стене — тот самый зубец, с которого начинался подъём по диагональной трещине.

Без страховки. Один срыв — и всё.

Я смотрел, как ловко она уходит вниз, уверенно находя опоры в сгущающихся сумерках.

Первые десять метров прошла быстро, её тело двигалось неестественно. Кара берегла правую руку, используя её только для баланса, а весь вес при перехватах переносила на левую кисть и ноги. На том самом злополучном карнизе она задержалась на секунду, нащупала край левой рукой, перекатилась через козырёк и продолжила спуск.

Я выдохнул. Самый опасный участок пройден.

Дальше шла ровная стена с частыми выступами — там она справится без моего взгляда.

Развернулся к задней стене кармана. Нужен был тонкий слой породы над пустотой. Я подобрал с пола самый крупный камень — килограммов двадцать — взял обеими руками и ударил.

Послышался звон, но плита осталось целой. Аномально-сильное молодое тело вложило в удар всё, что имело, но этого не хватило.

Второй удар сделал с оттяжкой, вкладывая бёдра.

БАХ!

По камню зигзагом побежала трещина — из-под неё потянуло сухой пылью.

Третий удар — и плита проломилась. Передо мной раскрылся рваный овал — из него пахло спёртым воздухом, камнем и тысячелетней пылью.

Заглянул внутрь. В скале образовался естественный карман, забитый крупными обломками породы. Куски размером от кулака до головы.

Первый вытащил двумя руками. Отнёс к входу в расщелину и положил у левой стены. Вернулся, достал второй. Я работал на пределе скорости, стараясь максимально заложить проход.

Как там Кара?

Вышел на площадку.

Фронт приблизился. Сотни силуэтов различались невооружённым глазом.

Спуск занял у сестры минут восемь — я считал по собственным ходкам с камнями.

Сначала — мешок. Он лежал в пяти метрах от основания стены, засыпанный мелкой щебёнкой, и из него торчал край верёвки. Кара подбежала, проверила и забрала.

Потом рванула к трупам.

Гончая лежала на боку в пяти метрах. Дневная жара обсушила тушу — шкура на рёбрах натянулась — мясо ещё не начало гнить, но кровь, наверное, уже загустела. Плоская голова была запрокинута, расщеплённая пасть приоткрылась.

Кара присела у туши и с силой вогнала нож в брюшину. Лезвие скользнуло по жесткой шерсти, едва не полоснув её по пальцам.

Я поморщился — грубо, но что поделать.

Сестра тихо выругалась, перехватила рукоять крепче и начала пилить. Выходило криво и рвано. Запах вскрытого кишечника ударил её в лицо, но Кара игнорировала — засунула руки по локоть в тёплую склизкую трепуху.

Нашупала плотный скользкий мешок желудка. Попыталась аккуратно подрезать, но нож уже начал вязнуть. В панике, поглядывая на растущее облако пыли на западе, Кара просто уперлась ногой в ребра гончей и вырвала его вместе с кусками соединительной ткани. Закинула кровавый ком в мешок. Следом, не глядя, выкромсала кусок печени вместе с желчным пузырем, измазав руки в горькой зеленоватой слизи.

Железы под хвостом дались еще хуже. Запах оттуда ударил такой, что у Кары перехватило дыхание, но она подавила рвотный позыв и вырезала два куска плоти прямо с шерстью.

Время таяло.

— Двадцать пять минут прошло! — крикнул я сверху.

Кара приступила к шкуре. Сделала надрез вдоль хребта, ухватила за край и рванула на себя. Шкура затрещала, но не поддалась — фасции держали намертво. Девушка начала остервенело рубить ножом между кожей и мясом.

Пласт отходил неровно, зигзагами. В одном месте она пропоролла шкуру насквозь, в другом оставила шмат мяса толщиной в палец. Когда отрезала кусок, это был не ровный прямоугольник, а изодранный, кривой лоскут метр на метр, тяжелый от налипшего жира. Кара скомкала эту скользкую массу и кое-как запихала в мешок, прямо поверх окровавленной трепухи.

Фронт надвигался. Передовые силуэты из точек выросли в фигуры — они катились по равнине слаженными волнами. До Зубов оставалось всего ничего. Гул в камне нарастал, и я уже различал отдельные голоса тварей в общем рёве.

Рванул обратно к пролому — к камням. Руки тряслись, но таскал, и таскал сразу по два — каждая ходка четыре метра, каждый камень не меньше пятнадцати кило.

— Тридцать минут! — крикнул сверху. — СВРАЧИВАЙСЯ! ЖИВО!

— Иду! — донеслось снизу.

Посмотрел на запад. Передовые твари были уже совсем рядом с Зубами. Через пятнадцать-двадцать минут они будут у подножия нашей стены.

Кара привязала мешок к верёвке и закрепила другой конец на поясе. Забросила мешок за спину, и он повис на верёвке между лопатками — тяжёлый, набитый изуродованными частями туши песчаной гончей. Она подошла к стене, нашла первый зубец и полезла.

С каждым перехватом этот груз жил своей жизнью, смещая центр тяжести и оттягивая сестру от скалы.

Я, тем временем, уложил у входа в расщелину двадцать шесть булыжников — два ряда, один на другой, с щелями для обзора.

Ещё пять минут. Кара была где-то на середине стены — слышал скрежет по камню и тяжёлое дыхание, которое поднималось из темноты.

Прилив превратился в сплошное месиво устрашающего рёва.

Я лежал на животе у края площадки и смотрел вниз.

Общий груз с каждым перехватом тянул Кару вниз и вбок.

Отслеживал каждое её движение, пока она не миновала опасный козырёк на двадцати трёх метрах.

Здесь подъём замедлился. Кара компенсировала наклон левой рукой, вжимая ладонь в камень сильнее обычного. Мешок болтался и бил по ней при каждом рывке вверх. Она остановилась, прижалась спиной к стене и тяжело задышала.

— Рик... Рик, я успеваю? Скажи, что я успеваю, мать твою.

Через стену скалы в её спину шла вибрация. Её голова резко дёрнулась к западу. Передовые тени фронта уже различались невооружённым глазом.

Я прикинул расстояние и скорость. Нет у нас пятнадцати минут — фронт ускорился. Максимум десять.

— Не отдыхай! — крикнул я вниз. — Лезь!

— Да лезу, лезу! — хрипло процедила она сквозь зубы и оторвалась от стены.

Я смотрел, как она преодолевает последний участок.

Тридцать метров — уже почти. Именно тут я сорвался при первом подъёме, когда рыжеватый выступ обломился под ногой.

Кара обошла тот обломанный зубец, нашла соседний и поставила ногу.

Последний рывок.

И тут груз в мешке сыграл с ней злую шутку.

При очередном широком перехвате скользкая шкура и куски мяса внутри мешка резко перевалились на левый бок. Этот внезапный рывок маятника совпал с моментом, когда Кара переносила вес.

Её правую ногу сорвало с выступа. Тело дёрнулось вниз. Правая рука инстинктивно вцепилась в каменный зубец, принимая на себя весь динамический удар падающего веса.

— Гх-х-а!.. — Травмированное запястье не выдержало.

Пальцы правой руки разжались сами собой, не в силах удержать массу на растянутых связках.

Кара зарычала. Она попыталась подтянуться, но анатомию не обманешь — сорванные ногти и болтающийся за спиной мешок не оставили ей шансов. Мышцы южанки вздулись, но тело предательски поползло вниз. Пальцы с кровавым скрежетом скользили по камню. Она не могла подтянуться. Могла только выиграть для меня две секунды, намертво заклинив предплечье в узкой трещине.

Я рванулся вперёд, сдирая кожу на груди о камни, свесился за край до хруста в позвоночнике и ударил рукой вниз.

Мои пальцы намертво сомкнулись на её левом предплечье за мгновение до того, как рука Кары окончательно выскользнула из щели. Хватать за правую было нельзя — с таким весом я бы просто оторвал ей травмированную кисть.

Сустав хрустнул. Я упёрся коленями в площадку и, рыча от натуги, потянул весь этот сдвоенный вес на себя. Кара перехватилась свободной рукой за край, и я втащил её на камни.

Она рухнула на камень рядом со мной. Мешок на верёвке стукнулся о щебёнку.

Я сразу взглянул на её руки. На левой ладони были сорваны два ногтя — безымянный и мизинец. Кровь сочилась из розовых лунок и текла по пальцам, смешиваясь с каменной пылью

в бурю кашу. Ногтевые пластины остались где-то на стене, вмятые в трещину, в которой Кара держала себя и мешок на одной руке.

— Ничего, — сказала она, глянув на ладонь. — Мелочи.

Внизу, у подножия южного пика Зубов, появились первые тени Прилива.

У нас почти не осталось времени.

Я схватил два камня из пролома и понёс к входу. Кара поднялась с площадки, вытерла кровь с левой ладони о робу и уставилась на запад:

— Рик... Это даже... Не знаю... Красиво.

Она своё дело сделала — мой черёд.

Вывалил из мешка принесенные Карой кровавые шматы.

Быстро прощупал скользкие куски мяса привычными пальцами. Нашёл желудок, желчный пузырь и два комка шерсти с параанальными железами внутри.

Вырезать ничего не стал — просто накрыл всё это тряпкой и с силой раздавил плоским камнем. Ткань мгновенно пропиталась бурой, зеленоватой жидкостью.

Запах ударил в нос так, что желудок мгновенно скрутило спазмом. Это была невыносимая, тошнотворная вонь тухлого мяса, едкой кислоты и концентрированного мускусного ужаса, который гончая выбросила в момент гибели. Химическая атака в чистом виде. Кисло, горько и резко.

Вышел за стену, присел у входа снаружи и начал натирать камни мокрой тряпкой. Мазал щедро. Каждый квадратный сантиметр камня у входа должен был кричать любому зверю проходить мимо.

Потом вернулся внутрь и протянул тряпку Каре.

— Руки, шея, волосы, — сказал я. — Везде, где кожа открыта.

Кара взяла тряпку, поднесла к лицу и отвернулась. Плечи дёрнулись — короткий рвотный спазм, который она подавила. Запах бил в нос и оседал на языке, и даже мне слегка поплохело.

— Рик, — выдавила она сквозь зубы. — Я воняю как мёртвая собака.

— В этом и смысл, — ответил, забирая тряпку и натирая собственное тело.

Через секунд тридцать от меня пахло так, будто я провалялся неделю в звериной норе. Желудок подкатил к горлу, но я проглотил кислый комок и продолжил мазать — за ушами и на запястьях. Каждый открытый участок кожи!

Затем выжал из тряпки остатки жидкости из раздавленных желёз и размазал по стене у входа — последний слой поверх всего остального.

Быстро развернул шкуру. Это был кошмар кожевника. Кара вырвала неровный, изорванный по краям лоскут, едва дотягивающий до метра в длину. На полу расстилать было нечего — материала хватало только на «занавеску», и то впритык. Посередине зияла дыра от сорвавшегося ножа.

— Прости, — хрипло выдохнула Кара. — Я... я не смогла аккуратнее.

— Ты справилась получше мужика. Не нужно себя винить, — ответил я. — Работаем с тем, что есть.

Мы повесили шкуру на вход. Из-за рваных краев она не закрывала проем полностью — в правом нижнем углу осталась дыра размером с голову, а прореху посередине мне пришлось затыкать собственной скомканной робой, густо вымазанной в крови.

Для любого хищника, который сунет нос к расщелине, здесь пахло мёртвой гончей, а не людьми.

Оставалось последнее.

Мы забрались внутрь. Я поправил кривые края шкуры и проверил, плотно ли сидит моя окровавленная роба в центральной прорехе. Из-за нехватки материала занавеска висела внатяг, но свою функцию выполняла. Изнутри расщелина превратилась в тёмную нору, пропахшую кровью и звериным страхом.

Кара села на пол, прижала перевязанное запястье к животу и привалилась к стене. Я устроился у входа, прижав глаз к щели между шкурой и камнем.

Гул земли уже шёл через всё тело — вибрация превратилась в ощутимую тряску.

Прилив подходил к Зубам.

Глава 5

Первых дрейков я увидел через щель, когда последний свет заката ещё тлел на горизонте. Они бежали поодиночке — тяжёлые приземистые туши с задранными гребнями и бурыми потёками крови на ногах. Твари не оглядывались — бежали, как от пожара, слепо и прямо, и каждый был сам по себе. Я потянулся к системе, когда ближайший промелькнул в полосе обзора.

Дрейк.

Эволюционный индекс: G.

Пульс: 160.

Частота дыхания: 48.

Дрейки — падальщики, мелкие хищники нижнего яруса пищевой цепи. Прилив гнал их первыми, потому что они бежали от всего, что бежало за ними.

— Дрейки, — тихо сказал я сестре. — У них кровь на лапах — видимо, давили друг друга.

Кара лежала в темноте с закрытыми глазами. Она ничего не видела — только слышала мой голос и гул земли.

За дрейками бежала какая-то мелочь. Десятки низких и быстрых теней, которые мелькали в полосе обзора слишком быстро для Анализа.

Я успевал ухватить контур, но система не реагировала за те доли секунды, которые тень оставалась в поле зрения. Мелкие хитиновые звери Раскола, шестиногие и восьминогие, с плоскими панцирями и длинными сегментированными хвостами — кракелюры, или что-то похожее на кракелюров, только крупнее и быстрее. Они катились по равнине сплошным живым ковром, перехлёстывая друг друга. Хитин щёлкал о хитин, создавая сухой трескучий шум, похожий на звук горящего хвороста.

Потом появился промежуток. Пустая полоса равнины шириной в сотню метров, на которой ничего не двигалось. Тишина длилась секунд двадцать.

— Мантикоры, — выдохнул я, когда следующая волна появилась в полосе обзора.

Эти массивные твари шли по одной. Каждая мантикора занимала пространство, в которое влезли бы три дрейка, и двигалась размеренным тяжёлым шагом, не применяя крылья — словно копили силы перед атакой на город. Хвосты с ядовитыми шипами покачивались в такт шагам.

Анализ: ???

Недостаточный уровень Зверолова.

Зараза.

Между мантикорами выдерживалась дистанция в двадцать-тридцать метров, и ни одна не приближалась к другой. Одиночные хищники, которые шли в одном направлении.

— Их штук десять, — сказал я Каре.

— Нас не чувствуют? — спросила она из темноты.

— Вроде нет.

И снова промежуток. На этот раз длиннее — метров двести пустой равнины.

Потом из сумерек выкатилось то, чего я не видел ни в «Яме», ни в библиотеке.

Длинные извивающиеся тела, похожие на огромных многоножек — метра по четыре в длину, с десятками коротких суставчатых лап и панцирем из блестящих чёрных пластин, которые ходили ходуном при каждом движении. Головы плоские, безглазые, с широкими ротовыми щелями, из которых выплёрскивались раздвоенные языки.

Они ползли по камню, как живые бронированные шланги.

Панцирный полз.

Эволюционный индекс: G.

Панцирный полоз.

Эволюционный индекс: F.

Панцирный полоз.

Анализ: ???

Недостаточный уровень Зверолова.

Их изучение позволило мне понять кое-что о системе. Судя по всему, я видел лишь информацию о самых слабых рангах тварей — G и F. А вот все остальные были мне недоступны.

— Черви, — тихо сказал я. — Десятка полтора. Не шевелись.

— Не шевелюсь, — донеслось из темноты, и голос у Кары был таким тихим, что я едва расслышал.

Полозы волной протащились мимо Зубов — куча тел, которые двигались параллельно друг другу. Их безглазые головы поворачивались из стороны в сторону, считывая вибрацию земли.

В этот момент мой внутренний калькулятор невольно сошел с ума. Я смотрел на этот живой бронированный поток и видел не смертельную угрозу, а упущенную прибыль колоссальных масштабов.

Если железа скорпикора стоит два золотых, то сколько стоят эти глянцевые панцирные плиты? А яд мантикор, мирно шагающих чуть впереди? Мимо моей скалы прямо сейчас маршировали десятки тысяч золотых монет, целая экономика Южных Островов, перебирающая сотнями лап. И я ничего не мог с этим сделать, кроме как сидеть в вонючей норе и надеяться не сдохнуть.

Они прошли. За ними был ещё один промежуток, а потом появились василиски.

Я узнал их по силуэту — в библиотеке были именно такие рисунки. Тело твари походило на классического ползучего василиска. Вот только шея была длинная и змеиная, увенчанная головой с костяным гребнем.

Они бежали стаями по трое. Движения были рваными и дёрганными — резкие рывки, остановки, вращение головы и снова рывок. Нервные, опасные твари, которые атакуют всё, что двигалось.

Анализ даже смысла использовать нет — силёнок не хватит, но я и без него видел, что у них стрессовый разогрев.

Одна тройка василисков пробежала прямо под Зубами. По длинным шеям прокатывались волны мускульных сокращений, от которых чешуя вставала дыбом. Они пронеслись мимо за четыре секунды и исчезли на востоке.

Я следил и комментировал, Кара слушала — мы превратились в наблюдательный пост.

Потом в полосе обзора появилась тень.

Что-то очень большое остановилось у подножия Зубов, прямо под нашей площадкой. Было видно лишь часть — длинная шея, уходящая вверх и исчезающая за краем обзора. Тёмная шкура была покрыта чем-то блестящим — чешуёй или пластинами, которые отливали в лунном свете маслянистым глянцем.

Тень пригнулась.

Потом шея поднялась. Голова повернулась и посмотрела вверх — на нашу стену, точно на карман расщелины.

Я перестал дышать и вжался лбом в холодный камень.

За моей спиной, в темноте, Кара тоже замерла. Она почувствовала моё напряжение через тишину, которая стала абсолютной.

Прошло десять секунд. Тело молодого мальчишки рефлекторно хотело затрястись, а сердце — сорваться в галоп, выдавая нас с головой.

Но тут я понял, что совершенно не чувствую страха. Скорее азарт охотника, который сейчас проверял — правильно ли он всё рассчитал.

Мозг хладнокровно отрезал панику. Пульс оставался ровным, как у спящего. Я просто перестал дышать.

Двадцать секунд. Тень внизу не двигалась и считывала. Разбирала запахи на слои: камень, пыль, кровь, едкая желчь, желудочный сок, секрет паники и шкура гончей.

Искала то, что не принадлежало зверю.

Мои глаза слезились от напряжения — я боялся моргнуть.

Наконец, тень опустила голову. Медленно, тяжело, как корабль, который разворачивается в порту. Ноздри закрылись. Лапы переступили по камню, и тёмная туша двинулась дальше — на восток, к городу, вслед за остальными.

Я выдохнул, контролируя каждый миллилитр воздуха.

— Сработало, — прошептала Кара.

— Да.

Мы замолчали. Прилив продолжал идти мимо Зубов — новые волны теней, новые силуэты, новые голоса в общем рёве, который заполнял равнину от горизонта до горизонта. Но ни одна тварь больше не останавливалась у нашего подножия.

Гул земли нарастал и стихал волнами, как прибой.

К полуночи основной фронт прошёл, и за ним потянулся хвост.

Отставшие и медлительные.

Раненый дрейк с рваной раной на боку, который ковылял, припадая на переднюю лапу. Скорпикор без правого жвала — обрубок торчал бурым обломком, и из него сочилась мутная гемолимфа. Гончая с перебитой задней лапой, которая тащилась на пяти оставшихся, и сло-манная конечность волочилась за ней по камню, оставляя тёмный след.

Последствия давки — твари, которые столкнулись, подавили и порвали друг друга в тесноте стада, несущегося к стенам.

Кара подползла и легла рядом, прижавшись ко мне плечом — тоже хотела видеть.

Именно в этот момент появился тот самый дрейк.

Он шёл медленнее остальных — заметно медленнее, и не потому, что хромотал или тащил раненую конечность. Все четыре лапы работали, но выглядело это так, будто зверь продирался через воду.

На левом боку чернели пятна — размером с ладонь каждое — почти чёрные, с чёткими белыми краями, которые выделялись на коже. Эта кожа вокруг пятен потеряла цвет — стала серой и сухой, будто из неё высосали влагу. Из правой задней лапы медленно сочилась тёмная жидкость — гуще крови, тягучая, похожая на дёготь, которая тянулась за зверем по камню вязкой ниткой.

Я потянулся к системе. На этот раз меня интересовал определённый параметр.

Дрейк.

Эволюционный индекс — G.

Температура тела: 39.2.

Выше нормы. Но и пульс для идущего зверя занижен. Этот замедленный ритм не означал спокойствие. Скорее, что сердце работало с перебоями.

Дрейк прошёл мимо Зубов в десяти метрах от подножия.

— Что с ним? — прошептала Кара.

— Болен, — ответил я так же тихо. — Но не от ран. Раненый зверь хромотает, скулит, прижимает повреждённую конечность. Этот, видишь, как ровно идёт? Как будто тело отказывает изнутри. Болеет.

— Он заразный? — с надеждой спросила сестра. — Может заразить атакующих наш город?

— Не знаю.

— Рик... Такой атаки на Семь Хвостов никогда не было, — с придыханием сказала Кара.

— Может тогда хорошо, что твой Зов пробудился именно в тот момент, — шёпотом ответил я.

Дрейк свернул на восток. Он двигался без цели, шёл совсем не за фронтом. Просто шёл. Потому что тело ещё несло, и останавливаться оно разучилось. На камнях за ним оставались капли блестящей жидкости.

Через десять минут его силуэт растворился за восточным отрогом скалы.

Чёрные пятна с белыми краями — это изъязвления, которые разъедали кожу изнутри наружу.

Белые края означали активный процесс — живая ткань отмирала по кромке, когда центр уже умер.

Обесцвеченная кожа могла указывать на нарушение кровоснабжения, сосуды повреждены или забиты. Тёмная жидкость гуще крови — лимфа, смешанная с продуктами распада тканей, или что-то, чему я не знал названия.

Расширенные зрачки я заметил ещё на первых секундах, когда дрейк повернул голову в нашу сторону, но не сразу посчитал это важным. Но, суммируя всё увиденное, можно было подумать о поражении нервной системы или интоксикации.

Что-то в этом наборе симптомов казалось смутно знакомым. Паттерн, который я встречал в другой жизни, в каком-то учебнике или в протоколе вскрытия. Что-то щёлкало на краю сознания и не дотягивалось до ответа.

Я запомнил всё — просто впечатал в память, как фотографию.

Хвост Прилива тянулся ещё полчаса — редкие одиночные силуэты. Потом и они закончились, и равнина опустела.

Кара рядом со мной закрыла глаза и тяжело выдохнула.

— Всё? — спросила она.

— Да. Наконец-то.

На горизонте что-то горело. Багровый отблеск растекался по нижнему краю неба.

Город Семи Хвостов пылал — зарево окрашивало облака над ним в цвет густой крови.

— Кара, — позвал я тихо. — Ты видишь?

Колокола снова ожили. Они долбили ещё сильнее, чем раньше — сплошной перезвон без пауз. А ещё, чуть глубже и тише, слышался другой звук — общий гул тысяч голосов, звериных и человеческих, слившихся в одно целое.

— Они сражаются, — сказала Кара.

— Стены держат. Город стоит уже сотни лет, стены рассчитаны на Прилив. Но ты права, что-то внутри пылает.

— Такого никогда не было, — тихо сказала Кара. — Никогда.

Мы замолчали и слушали далёкий набат, пока колокола не превратились в простой фон, к которому привыкаешь.

— Завтра спускаемся, — сказал я. — равнина пустая. Гончая, которую мы искали, убежала от стаи и Прилива. Может вернуться на территорию, когда всё утихнет. Стайные звери после потрясения возвращаются к знакомым местам — это базовый инстинкт.

— А если не вернётся?

— Поищем следы.

— Ты видел, сколько тут следов? — с сомнением протянула сестра.

— Ну мы же не сдадимся, так? Тропа в город закрыта. А если он падёт... Что ж, значит мы найдём способ убраться с острова.

— Не впервой, — с грустью сказала Кара, кивнула и взглянула на свои руки.

— Так, — я перехватил сестру за плечо. Потянулся к её мешку и достал один из трёх стеклянных флаконов, купленных у Варга. — Пей.

Кара посмотрела на густую красноватую жидкость так, будто я предлагал ей яд.

— Ты сдурел? — прошипела она. — Это лечебное зелье. Одно стоит как половина нашей жизни! Рик, мы в пустошах. Оно для серьёзных ран. У меня просто связки потянуты и ногти сорваны. Само заживет.

— Не настолько оно и дорогое. Пол жизни — это если по два медяка зарабатывать. Так что давай-ка... Если завтра мы встретим отставшую от стаи тварь, ты не сможешь нормально держать меч, — жестко отрезал я, не убирая флакон. — Оставишь это на меня? Твои руки сейчас — наш единственный боевой ресурс. Пей.

Она упрямо сжала губы, глядя на бутылёк с жадностью нищего, которого заставляют выбросить золото.

— Кара. Это не трата. Это инвестиция в то, чтобы мы вернулись в город. У тебя охота впереди! Открывай рот, я сказал!

Она выдохнула через нос, размотала бинт, выхватила флакон левой рукой, зубами вырвала пробку и залпом влила в себя содержимое. Скривилась — зелье пахло так себе.

Я не сводил с её рук глаз, внимательно наблюдая, как работает местная магия на живой ткани.

Эффект пошёл через десять секунд. Никакого чуда из сказок, яркого света и феи-крёстной, мать их... Это была агрессивная, форсированная биология.

Метаболизм Кары скакнул вверх — кожа на лбу мгновенно покрылась испариной, грудная клетка тяжело заходила от учатившегося дыхания. Зелье работало как мощнейший катализатор клеточного деления.

Опухоль на правом запястье начала спадать прямо на глазах — порванные микроволокна связок стягивались, синяк желтел и рассасывался, унося свернувшуюся кровь обратно в лимфоток. На левой руке, где были сорваны ногти, кровь закипела и мгновенно запеклась.

Саднящее мясо ногтевого ложа покрылось плотной полупрозрачной пленкой. Полноценные ногти не отросли, но открытая рана закрылась надёжной мозолистой тканью. Больше не воспалится и не будет кровить при хвате.

Я кивнул своим мыслям. Значит, зелье базового уровня не творит чудеса из ниоткуда. Оно просто ускоряет естественную регенерацию в сотни раз, сжигая внутренние резервы организма на построение новых клеток.

Кара покачнулась. Её глаза остекленели. Ускоренный метаболизм сожрал последние крохи энергии.

— Меня... сейчас вырубит, — заплетающимся языком пробормотала она.

Сестра на четвереньках отползла вглубь кармана и рухнула на щебенку. Тело включило аварийный режим, намертво отключая сознание для завершения восстановительных процессов.

Я закрыл глаза и мысленно вернулся к большому дрейку.

Система выдала цифры, но диагноз всегда ставит врач. Начал крутить симптомы, соединяя их в физиологическую цепь — это не давало мне покоя.

Итак, некроз, ткань стремительно отмирает. Но почему пульс пятьдесят два при температуре под сорок? Это клинический нонсенс. Жар обязан разгонять сердце, заставляя его качать кровь быстрее для охлаждения. А тут мотор глух.

Потеря ориентации в пространстве... Токсин? Паразит?

Что-то давило на нервную систему зверя, блокируя проводимость импульсов к сердцу, и одновременно сжирало его заживо снаружи. Это походило на раздел из учебника по паразитологии, который я зубрил на третьем курсе. Страница с фотографией овцы, или козы, или...

нет, не вспоминалось. Местная, магическая природа Раскола искажила симптомы до неузнаваемости. Образ мелькал и ускользал.

Когда-нибудь я вспомню, что это было. Или найду ответ в библиотеке, если библиотека выстоит после этой ночи.

Внимание! Проведён первичный анализ патогенеза.

Получено опыта: + 150.

Получен уровень: 8.

Навык «Ветеринар Юга» заблокирован. Требуется анализ.

Сон как рукой сняло. Я уставился на сообщения. Значит, Система поощряет не только дрессуру. Она в принципе платит за любое понимание мира, связанное с местной фауной.

Навык «Ветеринар Юга» вроде как требовал улучшенный анализ, хорошо, это понятно. Как понятно и то, что сейчас я свободные очки вбрасывать не буду. Вдруг эти же очки потребуются мне на навык «Ветеринара»?

Стоп. А что, если мне нужно что-то проанализировать, и навык откроется лишь в этом случае?

Анализ (G)(Очков вложено — 1). Прогрессия: 285/400.

Система не давала мне правильный ответ...

Я закрыл глаза и попытался уснуть.

Глава 6

Утро встретило нас ветром, который пах серой и падалью.

Спуск занял куда меньше времени, чем подъем, но вымотал остатки сил. Мы закрепили за скальный зубец спасенную Карой веревку и спускались перехватами, упираясь ногами в камень. Ладони горели, стертые о жёсткое плетение, а икры дрожали от перенапряжения.

Последние три метра я просто съехал на одних руках и тяжело спрыгнул на камни подножия.

Кара приземлилась рядом, глухо выдохнув.

Равнина выглядела так, будто по ней прошла война.

Туши тварей лежали группами и поодиночке — тёмные бугры на сером камне, застывшие в позах, в которых их настигла смерть. Два дрейка в десяти метрах от стены — один на боку, с задранной головой и раскрытой пастью, второй ничком, с подвёрнутыми лапами. Дальше — мелкие хитиновые твари, раздавленные в давке фронта, расплющенные в серо-бурые лепёшки, от которых торчали обломки панцирей и суставчатые лапы. Гончая с переломанным хребтом — та самая, с перебитой задней лапой, которую я видел в хвосте Прилива. Не дошла.

По тушам уже работали падальщики.

Мелкие хитиновые жуки облепили мёртвых зверей копошащимися бурыми коврами. От каждой туши доносился сухой непрерывный треск — сотни надкрыльев щёлкали, создавая звук, похожий на шипение жира на раскалённой сковороде.

В воздухе висел запах разложения.

Я подошёл к ближайшей туше дрейка — мысль сработала на автомате, раньше, чем додумал. Привычка из Ямы. Любая мёртвая тварь — это ресурсы.

Нагнулся и осмотрел. Брюшина вскрыта — кто-то уже выгрыз внутренности, и из рваной дыры в боку торчали обрывки кишечника, облепленные жуками. Железы вырезаны или сожраны. Когти на месте, но потрескались — падальщики добрались до суставов и подгрызли сухожилия.

Шкура изодрана в трёх местах, непригодна.

Перешёл ко второй туше. То же самое. К третьей...

— Мрази... — процедил я сквозь зубы и пнул труп.

Падальщики Прилива работали быстро и жадно, и ничего не оставили.

Я присел на корточки и раздавил одного жука рукоятью меча. Жёлтая гемолимфа брызнула на камень, издав резкий запах аммиака. Твари способны переваривать магические железы и хитин высших монстров.

Значит, их собственная кислота или панцири для алхимиков могут стоить не меньше, чем-то, что они сожрали. Я сделал в уме зарубку: если выживем и вернемся в город, нужно узнать цены на падальщиков. В Яме мусора нет, есть только неумение его продать.

— Пусто? — спросила Кара.

— Кое-что есть, но у нас дела поважнее. Через день-два от туш останутся только кости.

Мы прошли к тому месту, где лежала наша гончая — та, которую Кара разделявала перед подъёмом. Туша тоже была ободрана. От гончей осталось серое обглоданное тело, похожее на выброшенный мешок.

У нас совсем не было еды — лишь немного воды, которую удалось сэкономить.

Я закинул мешок на плечо и повернулся к западу, откуда пришёл Прилив.

— Идём, — сказал я.

Кара поправила меч на спине, подтянула лямку своего мешка и зашагала рядом.

На второй час пути я заметил, что сестра слабеет, что было неудивительно. Столько времени без еды, зелье, несколько спусков и подъёмов...

Кара никогда не жаловалась, это было вбито в неё глубже, чем умение держать меч. Но тело говорило за неё. Шаги стали короче. Дыхание участилось. Левая рука всё чаще касалась живота — бессознательно давила пустоту в желудке ладонью, как будто это поможет.

Оно и понятно — моих сил тоже не хватало.

— Сядь, — сказал я.

— Я в порядке.

— Кара, пожалуйста. Сядь.

Она зло посмотрела на меня и молча уселась на плоский камень у тропы.

В зарослях сухого колючего кустарника что-то шуршало и пищало. Я прислушался — мелкая возня, быстрый топоток лапок по камню, тихий писк. Грызуны или ящерицы, мелкая живность, которая пряталась от Прилива в норах и теперь выползала обратно. Что-то такое и поймала та молодая сука-гончая.

— В кустах мелкая дичь, — сказал я. — Сиди тут. Поймаю.

Кара открыла рот, но я уже забрал сеть из мешка и пошёл к кустам.

Идти нужно тихо. Ступня ставится на внешний край, потом перекачивается внутрь, и вес переносится плавно, без удара пяткой. Колени чуть согнуты, центр тяжести низко, дыхание через нос.

Новое тело охотно слушалось этого ритма.

Первый грызун выскочил из куста через пять минут — серое плотное тельце размером с крупную крысу. Местная разновидность, которую я не встречал — плевать, потому что важен только белок.

Я замер. Грызун принялся к камню, на котором лежал край сети — его нос дёрнулся, усики затряслись. Два шага к сети, ещё один.

Рванул свой край — сеть захлопнулась, и грызун забился в складках, пища и царапая хитин когтями.

Быстро свернул шею — чисто, без мучения.

За следующие тридцать минут поймал ещё четырёх. Никакой магии, только чистая биология и знание. Мелкие грызуны инстинктивно избегают открытых пространств — они всегда бегут вдоль стен или камней, прижимаясь к ним усами, чтобы чувствовать габариты укрытия. Я просто находил естественные сужения между валунами на их тропах и клал сеть туда. Они сами влетали в ловушку, слепо доверяя своим инстинктам.

Через сорок минут на расстеленной тряпке у ног Кары лежали пять плотных, жирных тушек.

— Нужен костёр, — попросил я. — сложи сухие ветки из кустарника.

Кара собрала охапку, а я высек огонь кремнём из мешка о хитиновую пластину. Искра появилась с третьего удара, пошла тонкая струйка дыма и, наконец, — маленькое жадное пламя, которое вцепилось в сухое дерево и затрещало.

Насадил тушки на заточенные хитиновые обрезки и выставил над огнём. Запах горячей плоти ударил в нос. Желудок одновременно скрутило от тошноты и от голода. Что тут скажешь, голод победил с разгромным счётом.

Мы делили каждую тушку.

Кара ела первую так, как привыкла — будто боялась, что её отнимут. Она рвала зубами горячее мясо с костей, почти не жевала и глотала кусками, обжигая горло. Жир тёк по подбородку, и она вытирала его тыльной стороной ладони, не прерываясь.

Меня она не слушала.

Я ел медленнее — нужно давать желудку время на переваривание после голодовки. Маленькие куски, долгое пережёвывание, глоток воды между каждым третьим куском.

После второй тушки Кара замедлилась, а после третьей — выдохнула, откинулась спиной к камню и закрыла глаза. Руки перестали дрожать.

— Это можно есть вечно, Рик. Спасибо.

— Получше изысканного мяса Варга, а? — я подмигнул.

— Оставим две?

— Да, на вечер.

Я завернул две оставшиеся сырые тушки в кусок ткани и убрал в мешок.

— Идём?

Мы забросили мешки на плечи и двинулись дальше на восток, к территории, где до Прилива бродила молодая гончая-одиночка.

После еды Кара шла гораздо увереннее...

Но всё равно менялась.

На первом часе пути она дважды резко остановилась посреди шага — будто врезалась в невидимую стену. Закрывала глаза, поворачивала голову, как антенна, ищущая сигнал, а через несколько секунд открывала глаза и шла дальше.

На третьей остановке замерла дольше и повернулась к юго-востоку — к пологим холмам, которые поднимались над равниной мягкими серыми волнами.

Стояла так секунд двадцать.

— Рик!

— Что-то чувствуешь?

— Туда, — она подняла руку. — Тёплое что-то! Чётко чувствую.

— Далеко?

— Не... Не знаю, честно.

На таком расстоянии я не видел ничего, но раз Кара чувствовала... Зов силился.

— Идём.

Мы сменили курс.

На этот раз вела она — без маршрутов и ориентиров.

Я шёл за ней и молчал, потому что говорить тут было нечего — нужно доверять и не мешать.

Через сорок минут перед нами поднялся пологий холм, поросший редким сухим кустарником. Кара замедлилась у подножия, присела и жестом показала — тихо, ложись.

Мы поднялись по склону на животах, по-пластунски, раздвигая колючие ветки локтями.

Внизу лежала неглубокая лощина, метров тридцать, заросшая кустарником по краям, с открытой каменистой площадкой в центре.

На площадке лежала туша дрейка. Крупный самец, килограммов сто двадцать, с рваной раной в боку от когтей или зубов. Кровь вокруг ещё не до конца почернела. Сдох недавно, может несколько часов назад.

И рядом с тушей ела гончая.

Песочно-серая шкура переливалась на солнце.

Эта особь молодая — мельче взрослой, полтора года или два, с узкими плечами и тонкими лапами, на которых проступали суставы. Она прижимала часть туши двумя передними лапами и рвала мясо с боковины, дёргая головой короткими рывками. Ела жадно и торопливо — голодная тварь, которая нашла падаль и набирала потерянное.

Я посмотрел на гончую в упор.

Песчаная гончая.

Эволюционный индекс — G.

Пульс: 72.

Частота дыхания: 18.

Температура: 37.9.

— Истощена, — прошептал я Каре. — Несколько дней голодала. Если побежит сейчас — на первой сотне метров потеряет скорость, на второй упадёт.

— Это хорошо? — прошептала Кара, не отрывая глаз от гончей.

— Мы можем взять её, если правильно подойдём.

Кара очень долго смотрела на зверя. Тот и не подозревал, что с гребня холма на него смотрят два человека, от которых пахло кровью твари.

— Рик, — тихо сказала Кара, и в её голосе засквозило уверенностью. — Это она.

— Уверена?

— У меня в груди всё прямо горит. Это та самая, Рик!

Я кивнул.

Мы отползли от гребня в кусты и сели на корточки, спина к спине, чтобы видеть обе стороны холма.

— Сеть есть, — сказала Кара тихо. — А приманки нет.

— Знаю.

— Без приманки сеть бесполезна, — продолжила Кара. — Она увидит бросок, прыгнет в сторону — и мы не угадаем куда. Гончая на шести лапах делает боковой рывок быстрее, чем я замахнусь, ты сам говорил.

Я смотрел на пыльную землю между нами и думал.

— Тогда без приманки, — наконец предложил я. — Загон.

— Загон?

Подобрал с земли какой-то хитиновый обрезок и начал чертить в пыли контур лощины.

— Смотри. Гончая в центре, у туши. На севере пологий выход на равнину. Сюда она рванёт первой, если увидит угрозу.

Провёл вторую линию.

— На юге у нас крутой склон, камни и осыпь. Если она попробует, то лапы будут скользить, потеряет скорость и время.

Третья линия пошла на запад.

— Тут густые высокие кустарники. Сквозь них быстро не пройдёт — шесть лап будут цепляться за колючки, шкура запутается.

И последняя. Я ткнул обрезком в точку между двумя кружками.

— Узкий проход между двумя валунами. Единственный быстрый выход, кроме северного. Но вот в чём момент... Тут камень с обеих сторон, развернуться нельзя, прыгнуть вбок тоже. Гончая входит — и на полсекунды она в ловушке.

Кара подняла глаза на меня.

— Я зайду с севера, — продолжил я. — С открытой стороны, медленно, чтобы она меня увидела. Остаётся только восток, как раз это место. Других быстрых путей нет.

— И там я с сетью.

— Там ты с сетью. Прячешься за правым валуном, со стороны прохода тебя не видно. Она замедлится, на этой скорости ты кидаешь. Утяжелители у сети серьёзные. В узком проходе ей некуда деться.

— Сработает?

— Если она правда истощена — сработает.

— А если начнёт драться в сети?

— В сети это сложно. Хитиновое плетение ляжет на шесть лап — каждое движение будет затягивать ячейки плотнее. Чем сильнее дёргается — тем крепче вяжет. Ты же сама видела.

— Видела, — Кара кивнула. — Просто волнуясь.

— Всё будет нормально.

Сестра посмотрела на схему в последний раз.

— Ладно, — сказала она.

— Действуем сейчас. Сытая тварь реагирует медленнее голодной — кровь ушла в желудок, а рефлекссы тупеют.

Кара достала свёрнутую сеть. Расправила и проверила утяжелители — все на месте, ни один не отвязался. Перебросила через плечо и посмотрела на меня.

— Рик. А если она побежит не на восток?

— Жди, она не справится и всё равно придёт к тебе.

— А если на тебя?

— Если на меня — значит, хреново сделал свою работу. Но я зайду правильно.

Кара коротко фыркнула — почти смех — и двинулась к восточному краю лощины, огибая гребень холма по кустарнику.

Я остался на месте и ждал, пока она займёт позицию за валуном. Гончая продолжала есть — плоская голова поднималась и опускалась, расщеплённая пасть рвала мясо.

Минут через пять кусты у восточного валуна перестали шевелиться. Кара на месте.

Пора.

Я встал за гребнем в полный рост. Голодный хищник непредсказуем — от отчаяния он может броситься даже на того, кто крупнее. Поэтому я пошёл вниз по склону, раскинув руки чуть в стороны, визуальное увеличивая свои габариты. Тяжёлым шагом, с ударом пяткой о камень — чтобы вибрация была по её сенсорам. Я смотрел ей прямо в глаза, не моргая, транслируя единственную установку: «Я больше, я сильнее, это моя падаль». Ей нужно было дать время на решение, чтобы инстинкт самосохранения пересилил голод.

До неё сорок метров. Гончая подняла голову от туши.

Ноздри раздулись. Пасть захлопнулась, и янтарные глаза мгновенно нашли.

— RRRRRRRR.

Шесть лап напряглись, под песочно-серой шкурой набухли мышцы — зверь готовился бежать.

Тридцать метров. Я шёл с предсказуемым, спокойным ритмом, без рывков, которые провоцируют атаку.

Двадцать пять метров. Гончая поджала передние лапы и присела — классическая стартовая стойка. Секунда до рывка.

И она сорвалась.

Рванула на юг — к крутому склону, к камням и осыпи. Первый прыжок был очень мощным и длинным — шесть лап оттолкнулись разом. Второй уже короче, склон пошёл вверх. На третьем задние лапы поехали по сухому щебню, когти заскрежетали по камню и не нашли сцепления. Зверь потерял равновесие, грудь ударилась о склон, и гончая заскользила обратно на полметра, прежде чем выровнялась.

Тварь развернулась. Глаза быстро метнулись по лощине. Юг — скользко, только что проверила. Север — я стоял на двадцати метрах и перекрывал пологий выход. Оставались запад и восток.

Зверь крутился на месте — паника захлёстывала, но инстинкт гнал к выходу, и глаза нашли то единственное, что можно считать спасением — узкий проход между двумя валунами на востоке.

Гончая побежала туда.

Зверь вошёл в узкое место и замедлился — лапы сбились с ритма, и на секунду гончая оказалась зажата между камнями.

Из-за правого валуна выскочила Кара.

Она встала — ноги шире плеч, корпус развёрнут для броска, сеть в обеих руках. Глаза горели тем же красным огнём, что и метки на предплечьях.

Настоящая валькирия, чтоб меня.

Кара бросила сеть вперёд и вверх. Утяжелители разлетелись в стороны, и хитиновое плетение раскрылось в воздухе широким кругом, который на мгновение повис над гончей, как тень, а потом упал.

Сеть накрыла зверя целиком. Утяжелители хлопнулись о камень по обе стороны тела и завернулись под него, стягивая ячейки.

Гончая пронзительно завизжала и рванулась вперёд, но каждый рывок только затягивал петли туже.

Зверь завалился на бок. Шесть лап молотили по воздуху, хвост бился о камень, расщеплённая пасть клала зубами, пытаясь прогрызть ячейку.

Кара напрыгнула сверху.левой рукой вдавила верхний край сети в камень, правой навалилась на нижний. Всем телом, прижимая извивающегося зверя к земле.

Я подбежал через двадцать секунд — обогнул валун с левой стороны и упал на колени рядом. Схватил второй край сети и прижал к камню. Гончая рычала, дёргалась, скребла когтями по плетению, но мы давили сверху, и рывки слабели с каждой секундой.

Глаза зверя расширились, наполнились ужасом и яростью.

— Держу, — выдохнула Кара.

— Я тоже.

Мы ждали, когда зверь выдохнется и перестанет рваться. Сеть под моими ладонями вибрировала от конвульсий — я чувствовал жар звериного тела.

Пульс: 170

Через минуту рывки стали реже. А через две рык перешёл в тяжёлое хриплое дыхание. На третьей минуте гончая замерла и лежала на боку, часто дыша.

Взгляд сестры изменился — она чувствовала.

Через десять минут гончая перестала рваться.

— Что теперь, Рик?

— А я знаю? Чей Зов?

— Мой...

Сестра выдохнула и медленно опустила левую руку к морде гончей — положила её рядом, на камень, ладонью вверх.

Зверь потянулся ноздрями к ладони. По носу прошла морщина — гончая разбирала запах, включая чужую кровь сородича с Зубов. Знакомый запах и чужой одновременно, и эта смесь сбивала зверя с толку — ноздри раздувались, сжимались и раздувались снова.

— Сирка, — тихо сказала Кара.

Гончая дёрнула правым ухом.

Кара медленно продвинула ладонь ближе к морде. Сантиметр, ещё сантиметр, ещё один. Гончая снова понюхала — на этот раз долго — и дыхание начало выравниваться. Рваные частые вдохи растягивались, пауза между ними росла. Пульс 88... 82... 76. Падал! Зверь успокаивался!

Ладонь Кары коснулась носа гончей.

Воздух между ладонью девушки и мордой зверя пошёл рябью.

Татуировки на предплечьях сестры вспыхнули. Красный лихорадочный свет, который жёг её изнутри неделю, сменился тёплым золотистым сиянием.

Пульсация замедлилась, стабилизировалась и замерла на ровной частоте, которая совпала с дыханием гончей — вдох, пауза, выдох. Пламя перестало плясать на сквозняке.

Зов прошёл.

Проведен анализ ментальной синхронизации.

Получено опыта: + 80.

Гончая один раз лизнула ладонь Кары шершавым горячим языком и окончательно перестала рваться.

Я не мог понять, как осознал, что связь состоялась. Просто в какой-то момент стало очевидно — Кара и гончая теперь связаны.

Девушка уверенно начала снимать сеть. Сначала с морды — осторожно, распутывая ячейки, освобождая расщеплённую пасть.

Я напрягся, но гончая лежала спокойно и смотрела на неё янтарными глазами, в которых ярость давно потухла. Каждую лапу Кара высвобождала отдельно, и зверь не дёргался — только глубоко дышал.

Через минуту тварь лежала у ног сестры. Полностью свободная.

Кара сидела на коленях на камне, и её руки дрожали. Она не вытирала свои слёзы, потому что и слезами это назвать нельзя. Скорее всё то напряжение, которое она держала в себе неделю, наконец, отпустило. Татуировки теперь горели ровным красным.

Она обернулась ко мне. Посмотрела секунду — и порывисто, всем телом, наклонилась и обняла меня за шею.

Я замер. Кара обнимала крепко — две секунды, не больше — и тут же отпрянула, отвернулась и прокашлялась в кулак.

— Ну. Это. Кхм.

— Кара. Я всё понимаю.

— Молчи, Рик. Просто молчи.

Кашлянула ещё раз, провела ладонью по лицу и выпрямилась.

Гончая смотрела на нас обоих с земли — словно наблюдала за своими. Сестра расправила плечи, подняла подбородок и сделала вид, что последних пяти секунд не существовало.

Я не выдержал.

— Сирка? Серьёзно?

— Да.

— Это что вообще значит?

Кара посмотрела на зверя и положила ладонь на его холку — между хитиновыми чешуйками, где шерсть была мягкой и короткой. Невероятно, но Сирка приняла это прикосновение, не дёрнувшись.

— «Сирая» — слышал слово? Ты забыл, как нас в семь лет на рынке шпыняли? «Сирые» называли? Это значит сирота.

— Точно, — я поджал губы.

Эмоции Рика на секунду проступили, и стало обидно, но потом эта обида эволюционировала в привязанность.

Мне почему-то стало жаль Кару, которая всю свою жизнь моталась по этому миру. И всю свою жизнь она не позволяла себе слабость — иначе бы их с Риком сожрали.

Я был рад, что в её жизни произошло что-то, что позволило улыбаться. Прав был Варг, когда сказал, что Кара станет красавицей. Теперь, когда моя сестра начала улыбаться — я понимал, почему делец был так в этом уверен.

— Вот эта гончая — сирая, — тихо сказала Кара. — Стая её бросила, или сама ушла, не знаю. Она сидела тут одна на чужой туше, без своих. И нашла еду. — девушка посмотрела на тварь, её пальцы медленно перебирали шерсть на холке. — Я тоже сирая, Рик. Сирота с детства. Ты тоже, но ты — мой брат, у тебя есть я. А по-настоящему — мы оба сирые, без рода, клана и места.

Она помолчала и подняла на меня глаза.

— Это не просто имя, Рик. Сирые узнают сирых. Она меня выбрала, потому что я такая же. Зов тянет к тому, кто на тебя похож. Так мне кажется.

Я молчал. В голове проносилось всё: серость, одиночество, зверь без стаи. Шакалы, о которых я думал — они тоже серые, деградировавший вид, тоже сирки по природе, хоть и стайные. Сирки — потому что больше никому не нужны.

Серый...

Это имя, которым можно было охарактеризовать мою прошлую жизнь. Кара была права — Зов выбирал по подобию, и мой зверь, если он будет...

Будет таким же, как я.

— Хорошее имя, — сказал я. — Сильное.

— А что ей давать — «Малышку» какую-нибудь? Тьфу, позорище клановое. — Кара фыркнула. — Она жрёт дрейков и убивает с одного укуса. Какая она малышка. Она — Сирка.

— Сирка, — повторил я.

Гончая подняла голову на звук. Янтарные глаза нашли Кару, задержались на ней и медленно закрылись. Плоская голова опустилась на колено девушки — зверь нашёл то место, где можно перестать бежать.

— А насчёт того, что мы без рода и клана... — добавил я. — Ты подожди, всё изменится.

— Теперь я тебе верю, Рик, — она серьёзно кивнула. — Можешь на меня положиться. Можно её покормить?

— Конечно.

Кара достала из мешка одну из двух оставшихся тушек грызуна и положила перед Сиркой на камень.

Гончая понюхала и не стала есть.

— Что такое? — Кара нахмурилась. — Не хочет?

— Ждёт, — ответил я. — Ты ей дала, но сама свою долю не взяла. Она думает, что добычу нужно делить, и не ест, пока хозяйка не съест первой.

Кара посмотрела на тушку. Медленно отломала от грызуна маленький кусок — символический, с ноготь — и положила в рот. Пожевала, проглотила.

Сирка тут же взяла остаток. Ела спокойно, без той жадности, с которой рвала мясо дрейка в лошине. Откусывала, жевала и глотала.

— Что это значит? — тихо спросила Кара, наблюдая.

— Ну... — я улыбнулся. — Похоже, она признала тебя хозяйкой. Стайные гончие живут по иерархии — вожак ест первым, остальные после. Это её способ сказать, что ты — главная.

Кара смотрела, как Сирка доедает грызуна. На её лице медленно проступало выражение, которого я никогда не видел в Яме — ошеломлённое счастье человека.

— Ну, — сказала она и расправила плечи. — Теперь я вожак. Дам ей вторую тушку, пусть наедается.

Кара потянулась к мешку, но я жестко перехватил её за запястье.

— Нет.

— Что? Не время думать о себе, она же голодная, Рик! У неё рёбра торчат!

— Именно поэтому, — я отпустил её руку. — Она голодала. И сожрала часть туши, а теперь и ты покормила. Её желудок сжался, нужных ферментов сейчас нет. Если ты забьёшь её мясом до отвала, у неё случится заворот кишок или белковый удар. Сдохнет в муках к утру, и никакая магия не спасет.

Я присел на корточки в безопасной зоне — чуть сбоку, не нависая над зверем. Сунуть руки в пасть чужому хищнику, который только что пережил стресс поимки — верный способ остаться без пальцев.

— Кара, подними ей верхнюю губу сбоку, — скомандовал я. — Осторожно.

Сестра нахмурилась, но послушалась. Сирка тихонько заворчала, однако позволила своему новому вожаку прикоснуться к морде.

— Теперь слегка надави большим пальцем на десну и отпусти.

Кара нажала. Бледно-розовая ткань мгновенно побелела от давления.

— Считай, за сколько секунд пятно снова станет розовым, — сказал я, внимательно следя за процессом.

— Раз... два... три... почти четыре, — неуверенно произнесла Кара.

— Капиллярный ответ слишком долгий. Сильнейшее обезвоживание, — констатировал я.

Снял с пояса флягу. В ней плескалась вода, собранная по капле в нашей пещере — едва ли треть объема, наш неприкосновенный запас. Но инвестиция в боевого зверя сейчас была важнее. Я передал флягу.

— Налей немного в ладонь и дай ей слизать. Только не всё, нам еще до города идти. И больше никакого мяса. Сначала вода, по чуть-чуть. А кормить теперь будешь дробно, крошечными порциями каждые три часа. Поняла, вожак?

Кара сглотнула и кивнула. Она налила воду в ладонь, и Сирка тут же жадно, но послушно принялась лакать.

Я мысленно усмехнулся. Моя ветеринарная диктатура приносила свои плоды.

— А что насчёт тебя? — спросила Кара, возвращаясь к прерванному разговору.

— Если ты про Сирку, — протянул я. — То это твой зверь. Она принимает меня, как члена стаи, но в иерархии вряд ли посчитает выше себя. Это нормально.

— Хорошо. У тебя тоже будет зверь, Рик. Мы вместе найдём его.

К вечеру мы вышли из лощины и двинулись на восток.

Сирка шла у правой ноги Кары, чуть позади — ровно в той позиции, которую в стае занимает ближайший подчинённый при вожаке. Плоская голова держалась на уровне бедра хозяйки, и, если Кара ускоряла шаг — Сирка тоже ускорялась. Как тень.

Я шёл слева, в двух метрах дальше. Сирка изредка поворачивала ко мне голову — без агрессии, просто фиксировала присутствие. Знакомый, но чужой. Часть окружения, которую можно терпеть, но нельзя впустить.

— Воспринимает меня как соседнего хищника, — сказал я. — Знакомый запах, общая территория, угрозы нет. Это будет нормально работать, пока я не лезу к ней и не конкурирую за твоё внимание. Изменится, когда проработаешь зверя.

Кара кивнула, и её рука легла на холку Сирки.

Это было удивительно... Связь Зова настолько сильна, что тварь буквально сразу стала послушной. Послушной, но неопытной. Сестра не знала, как её развивать и тренировать.

На третьем часу пути я остановился.

Кара тоже встала. Сирка прижала лапы к камню и замерла — считывала вибрацию.

— Слышишь? — спросил я.

— Что?

— Вот именно! Ничего!

Кара прислушалась. Её лицо медленно изменилось — брови поднялись, рот приоткрылся.

Колокола замолчали.

Не знаю сколько прошло, неделя или чуть больше, но...

— Прилив прошёл, — сказал я.

— Значит, город... — Кара не закончила.

— Значит, скоро выясним.

На западе, в нескольких днях пути, стоял город Семи Хвостов.

Живой или мёртвый — мы не знали.

Колокола молчали, и это могло означать что угодно.

Глава 7

За последним холмом нам открылось поле, и Кара остановилась на гребне.

Я встал рядом. Сирка прижала уши, по её заливку прошла волна — шерсть поднялась от затылка к хвосту, как трава под ветром.

Перед нами, до самого горизонта, лежала равнина — и на ней не осталось ничего живого.

Туши тварей покрывали камень так плотно, что местами земли не было видно.

Дрейки, гончие, скорпикоры — целые и разорванные, лежавшие поодиночке и грудями, с задранными лапами и раскрытыми пастями, в которых чернела запёкшаяся кровь. Между крупными тушами валялись мелкие хитиновые твари, раздавленные в бурю кашу, из которой торчали обломки панцирей и суставчатые лапы.

Василиск с оторванной головой лежал на боку, длинная змеиная шея тянулась от тела метра на три, заканчиваясь рваным обрубок позвонков.

Рядом — мантикора с проломленным черепом, из которого вытекло что-то серое. Ядовитый хвостовой шип, обломанный у основания, воткнулся в землю в метре от туши, как копьё.

И среди тварей — люди.

Я остановился. В прошлой жизни мне доводилось видеть смерть. Приходилось усыплять безнадёжных животных, вытаскивать из вольеров разорванные туши, терять коллег...

Но *такого* масштаба бойни я не видел никогда.

Желудок молодого тела предательски дёрнулся, когда ветер донёс густой, сладковато-медный запах вскрытых внутренностей и крови. Гормоны попытались ударить по мозгам, включить панику, заставить бежать — но наткнулись на глухую стену. Я хладнокровно перехватил управление, гася тошноту глубоким вдохом через рот.

Я ЗАСТАВИЛ себя смотреть.

Первое тело лежало в двадцати метрах от гребня. Мужчина в лёгкой хитиновой броне умер лицом вниз, с арбалетом, зажатым в мёртвых пальцах.

Болт торчал из туши дрейка в пяти шагах — попал, но не остановил. Спину стрелка распорили от лопатки до поясницы тремя параллельными бороздами — хищник зашёл сзади.

Дальше — ещё. Копейщик с переломанным древком и раздробленной грудной клеткой, вмятой внутрь ударом, от которого нагрудник сложился, как жестянка.

Зверолов в тяжёлой клановой броне с цепью на поясе лежал на спине. Его лицо выглядело спокойным, будто он уснул, но ниже пояса тело заканчивалось — ног не было, только бурое пятно на камне. Рядом с ним лежал, видимо, его зверь духа, крупный дрейк с седлом и клановой меткой на заливке. Мёртвый, с разодранным горлом.

На каждом втором теле в броне повторялась одна и та же эмблема — вихрь на нагрудной пластине, набитый чем-то жёлтым, полустёртый кровью и пылью.

— Клан Песка, — сказала Кара, проследив мой взгляд. — Они встречают Прилив первыми. Выходят за стены и принимают фронт на себя, чтобы основная масса тварей не дошла до города.

— Что за абсурд? — я нахмурился.

— Это их дела, — сестра пожала плечами. — Что-то они не поделили, и клан Песка обязан делать так уже несколько столетий.

Я молча кивнул, испытав только мрачное уважение. Эти парни сработали как идеальный волнолом. Они вышли в чистое поле против биологической лавины, приняли удар, сломались, но погасили инерцию орды. Профессионалы, которые до конца выполнили свою работу.

Но на стенах проще. Почему так? Что произошло между советом кланов и кланом Песка, чтобы заслужить подобное?

А затем мой взгляд снова скользнул по бескрайнему ковру из мертвых монстров, и профессиональная деформация взяла своё.

Тела тянулись далеко на восток — на сотни метров — линия отступала, ломалась и отступала снова, и каждый шаг назад стоил жизнью.

Клан Песка потерял сотни бойцов. Может — больше. Невероятный масштаб.

По тушам работали падальщики — только здесь их были тысячи.

Бурые копошащиеся ковры покрывали мёртвых зверей и людей одинаково, без разбора. Воняло разложением, перемешанным с дымом, который тянуло от Города.

Сирка шла абсолютно спокойно и огибала туши. Для неё это был привычный пейзаж.

Кара прикрыла нос рукавом и шла молча, стиснув челюсть. Я дышал ровно — после характерных запахов гончей на коже, и двух суток в норе... Что ж, этот запах казался просто ещё одним слоем.

Я подошёл к ближайшей туше дрейка — мысль сработала на автомате. Брюхо вскрыто, железы выгрызены или вырезаны, когти обломаны. И везде тоже самое — кожа содрана лоскутами, рёбра торчат белыми дугами.

— Всё пусто, — сказал я. — Ресурсов нет.

— Тогда не задерживаемся, — ответила Кара.

Мы быстрым шагом двинулись через поле. Сирка бежала впереди, нюхая землю, и изредка останавливалась. Что-то слышала или чувала вдалеке, но каждый раз продолжала путь.

На двадцатой минуте пути впереди выросла тёмная масса.

Сначала принял её за скальный выступ — она поднималась над полем на три метра, с неровными контурами и блеском, который мог быть мокрым камнем. Потом контуры сложились в форму, и я остановился.

Шесть массивных лап, толщиной с бревно, с когтями длиной в предплечье, впившимися в каменистый грунт. Тёмная шкура, покрытая пластинами, как черепица на крыше, каждая размером с обеденную тарелку.

Перед нами открылась длинная шея, уходившая от корпуса вверх и рухнувшая на камень вместе с головой. Эта голова лежала в пяти метрах от тела, и от неё до кончика хвоста тварь занимала метров пятнадцать.

Та самая тень из-под Зубов, что принохивалась к нашему карману.

Теперь она лежала на боку, и я мог рассмотреть её целиком.

Узкая голова с костяными гребнями и торчащими наружу саблевидными клыками. По бокам морды — ноздри размером с кулак.

Бочкообразный бронированный корпус был испорчен. Рваная рана тянулась по левому боку от передней лапы до бедра, вываливая наружу серые петли кишечника. Кто-то вскрыл тварь на ходу, и она просто истекла кровью, рухнув на полпути к городу.

Я подошёл ближе. Кара встала рядом и молча смотрела.

Масштаб давил. Одна передняя лапа этой твари была длиннее моего тела. Коготь — длиннее меча Кары. Мантикора рядом с этим существом выглядела бы как кошка рядом с быком.

Клан Песка остановил эту тварь.

— Это она, — тихо сказала Кара. — Что это вообще такое, Рик?

Я не знал ответа. В библиотеке Города я прочитал всё, что нашёл. Ни в одном источнике не было описания такой твари.

— Не знаю, — ответил я, подходя вплотную к туше.

Рука сама потянулась к обломку копыта клановых, застрявшему под пластиной брони. Я попытался использовать древко как рычаг, чтобы отковырять хотя бы одну чешуйку. Копье хрустнуло и сломалось. Броня сидела намертво, словно влитая в монолитный мышечный кор-

сет. Чтобы разделать эту тварь, нужны были пилы с алмазным напылением и лебедки, а не огрызок обычного меча.

Я с сожалением посмотрел на саблевидные клыки, до которых было не добраться, и шагнул назад.

— Она мертва. А у нас нет времени. Идём.

Кара постояла ещё секунду, глядя на огромную голову, потом повернулась и зашагала дальше. Сирка обнюхала переднюю лапу твари, чихнула и побежала за Карой.

На середине поля из-за груды тел донёлся булькающий присвист на выдохе. Так звучит пробитое легкое.

Мы замерли. Сирка прижалась к ноге Кары.

В неглубокой воронке, выбитой стадом, лежала мантикора.

Матёрая.

Правое крыло сломано у основания, задние лапы тоже переломаны — из правой торчал белый осколок кости. Передними она скребла камень, пытаясь вытащить тушу из ямы, но лишь бессильно елозила брюхом. Заметив нас, тварь распахнула пасть с двойным рядом загнутых зубов. Хвост с костяным шипом нервно задергался.

Сирка рванула вперед, но Кара жестко перехватила её за загривок.

— Стой!

Я кинул взгляд через Анализ.

Пульс сто сорок два, температура под сорок. Мышечный тонус передних лап рабочий, но грудные тянут с трудом, а задние — вообще ниже десяти процентов. Паралич.

— Задние лапы мертвые, из воронки не выберется, — констатировал я. — Но передними достанет на два метра. Хвост рабочий.

Я смотрел на ядовитый шип. Уж Варг за такой отвалил бы монет. Противоядие, боевой паралитик, анестезия — всё что угодно. У нас впереди разрушенный город впереди и совсем нет денег. А тут — месяцы работы, запертые в куске кости с железой.

— Попробуем... обойти?

— Нет... — решил я. — Берем шип. Там железа.

Кара недоверчиво покосилась на меня, потом на тварь.

— Как?

Я прикинул геометрию воронки.

— У неё слепая зона сзади, — я указал на парализованные лапы. — Она физически не изогнет спину, чтобы достать хвостом собственный крестец. Ты заходишь спереди. Держишь дистанцию в семь метров. Твоя задача — просто быть там и привлекать внимание.

— А Сирка? — Кара с сомнением посмотрела на напряженную гончую. — Она же ещё не обучена и команд не знает. Вдруг кинется под зубы?

— Ей не нужны команды, у неё есть инстинкты стайного загонщика, — ответил я. — Ты для неё теперь Альфа. Если Альфа держит фронт, стая автоматически уходит на фланг и ждет момента. Просто не делай резких рывков вперед, иначе она воспримет это как сигнал к общей атаке. Стоишь на месте — она кружит рядом. Я захожу сзади, рублю сустав и забираю железу. Тридцать секунд на всё.

Сестра кивнула, вытянув меч. Сирка, почувствовав агрессию вожака, тут же припала к земле, глухо зарывчав.

Они пошли по широкой дуге. Я двинулся сзади, ступая мягко, скрываясь в слепой зоне хищника.

Кара встала спереди, сжала рукоять меча и сделала агрессивный выпад корпусом.

Сирка отреагировала — Альфа угрожает, значит, пора.

Гончая ударила боевым лаем и инстинктивно метнулась вправо, заходя в слепую зону врага. Древний рефлекс мантикоры сработал безотказно: тварь раскрыла левое крыло, прикрывая уязвимый фланг, и полностью сфокусировалась на собаке и девушке.

Хвост лежал на камне. Я подошел вплотную, нашёл взглядом бугор между последним позвонком и шипом — мягкое утолщение, под которым прятался мешочек с ядом. По такому же принципу в кормовой разделявали дрейков одним ударом.

Шаг. Замах...

Хруст!

Лезвие вошло во влажный хрящ. Я навалился всем весом, проворачивая клинок, чтобы вырезать сустав целиком, не повредив железу. Меч лягнул о камень.

Мантикора взвыла. Обрубок хвоста брызнул на ноги темной кровью. Тварь рванулась, пытаясь развернуться, но Сирка молнией влетела сбоку и рванула зубами кожистую перепонку крыла. Зверь визгнул, отвлекаясь на новую боль.

Этого хватило. Я подхватил шип с пульсирующим желтоватым мешочком и бросился назад.

— Отходим! — крикнул я.

Кара не стала тратить время на крики или команды, которых зверь всё равно не знал. Она просто развернулась и побежала прочь. Понятный сигнал — вожак выходит из боя.

Сирка мгновенно разжала челюсти и рванула следом за Карой, прикрывая её тыл. Мы быстро разорвали дистанцию.

Из воронки доносилось хриплое, слабеющее рычание. Я осторожно вырезал необходимое. Целая, тугая мембрана железы. Запах аммиака и горечи резанул по глазам. Идеально.

Взгляд скользнул по пасти мантикоры — там оставались нетронутые клыки. Выбить бы парочку... Но я одернул себя. Жадность — первый шаг к нарушению техники безопасности. Наш лимит удачи на сегодня исчерпан.

Плотно замотал трофей в тряпицу и убрал на дно мешка.

— Сама умрёт, — сказал, глядя на истекающую кровью тварь. — Пошли.

Мы взяли широкую дугу. Я улыбался успеху. Кто бы мог подумать, что всего через месяц отрублю хвост мантикоре!

Сирка ещё долго оставалась напряжённой. Шла у ноги Кары на полкорпуса ближе, чем обычно. Сестра положила ладонь ей на холку, и гончая чуть выдохнула, замедлила шаг и опустила загривок.

Один жест, и зверь успокоился. Кара интуитивно училась быстрее, чем я думал.

К полудню поле закончилось, и земля пошла вверх — подъём к гребню, за которым должен был открыться вид на Город.

С каждым шагом в гору запах гари усиливался. Дым тянулся четырьмя столбами разной густоты — один чёрный и жирный, как от горящей смолы, два серых и один почти прозрачный, который мог быть паром от залитого пожара. Ветер нёс сажу и мелкий пепел, оседающий на наших хитиновых нагрудниках.

Сирка остановилась и задрала голову.

Мы проследили за её взглядом.

На фоне дымного неба кружили крупные крылатые силуэты. Широкие крылья ловили восходящие потоки от пожаров, тёмные тела лениво плыли по спиралям, как щепки в водовороте. Размах крыльев у каждого — метров десять, может больше. Длинные хвосты покачивались при каждом вираже.

— Виверны, — сказала Кара.

— Десять минимум, — сказал я. — Может больше, за дымом плохо видно. Наши или дикие?

— Отсюда не разглядеть, — ответила Кара, щурясь на небо. — Будем надеяться, что Клан Крыла.

— Подойдём ближе — поймём, — я зашагал дальше вверх по склону.

— Дикие снижаются над кварталами, — заметила сестра.

Эти кружили высоко, на восходящих потоках, и пока не снижались. Хороший знак.

Сирка оторвала взгляд от неба и побежала за Карой.

На гребень мы поднялись к закату, и Город Семи Хвостов наконец-то открылся полностью — от северных стен до южного порта.

Первое, что бросилось в глаза — бреши.

Северная стена зияла двумя провалами.

Главный — метров двадцать шириной, в самом центре, — выглядел так, будто великан ударил кулаком в каменную кладку и продавил её внутрь.

Обломки стены рассыпались по обе стороны пролома грудями серого щебня, и в самой бреши торчали наспех вбитые брёвна, мешки с песком и перевёрнутые телеги — всё, чем защитники могли заткнуть дыру. Вторая брешь, поменьше, темнела ближе к северо-западной башне — оттуда тоже прорвались, но уже, теснее, и баррикада выглядела плотнее.

За этими двумя ранами в камне, город горел. Догорал, как угли.

Целые кварталы за северной стеной превратились в чёрные провалы, из которых торчали обугленные балки — рёбра скелета, оставшегося после того, как мясо сгорело. Дым поднимался тонкими серыми столбами, и ветер сносил его на восток, размазывая по небу грязной полосой.

Прилив ворвался через бреши и пошёл по кварталам — и кварталы пали.

Но город стоял.

На центральном холме, над крышами и дымом, стояла башня Совета Кланов — на ветру трепался флаг совета семи хвостов.

Восточные кварталы за внутренней стеной уцелели почти полностью — крыши на месте, стены стоят, на улицах между домами двигались мелкие точки людей. Придавленная жизнь продолжалась — прилив не дошёл до восточной части.

Верхушка северо-западной башни выглядела так, будто по ней прошлись гигантской тёркой.

Над всем этим кружили виверны.

Клан Крыла мобилизовал своих тварей на оборону, их крылатые стражи летали по кругу, высматривая тварей, которые могли остаться после фронта.

У подножия северной стены тянулись наспех вырытые траншеи. Между ними ходили сотни людей. Собирали тела и складывали в ряды.

Несколько повозок с ранеными ползли от траншей вглубь Города.

Колокола молчали.

Мы долго не говорили — показалось, что минут десять. Просто смотрели на то, что осталось.

Кара тяжело выдохнула.

— Город выстоял. Нам не нужно искать новый.

— Такое ощущение, что Семь Хвостов одной ногой в могиле.

Мы начали спуск.

— Рик, мне не видно, что там с Ямой? Видишь что-то?

Я посмотрел поверх её головы на южную часть Города — ту, что просматривалась за крышами уцелевших кварталов. Дыма не было.

— Южный район целее всего. Яма должна быть на месте.

— Это хорошо. Совет жив, — сказала Кара, — раз мобилизация идёт. Сбор тел, починка стен, эвакуация раненых, проверка зверей — теперь всё это предстоит нам. Любой, кто вернулся в город попадает в ряд автоматически.

— А если спросят, где мы были больше недели?

— Никто не спросит. Там сейчас хаос. После Прилива люди неделями возвращаются. Мы просто двое из толпы.

Брешь открылась, когда дорога вывернула из-за последнего холма.

Сестра ошиблась — в том самом огромном проломе перед нами оказался наряд. Пятеро мужиков с копьями, двое из них — Мастера, один Зверолов. Значит клановые.

Четверо выглядели так, как должны выглядеть бойцы после Прилива — уставшие, в бурых пятнах на нагрудниках, с запавшими глазами и потрескавшимися губами.

Пятый — старший — выглядел иначе. Форма грязная, но грязь свежая, поверхностная — пыль и сажа. Руки чистые, ногти целые. И лицо, хоть и хмурое, было лицом человека, который недавно выпался.

Мы подошли на пятьдесят метров. Кара положила ладонь на холку Сирки — жест для стражников.

Старший шагнул вперёд и окинул нас взглядом.

— Ещё двое, — бросил он через плечо своим. — Из Ямы, похоже. По робам видно.

Один из четвёрки — здоровый мужик с перевязанным предплечьем — хрипло хохотнул.

— Гребаная Яма. Я всегда говорил, подсобники — трусливые крысы.

Старший ухмыльнулся и повернулся к нам.

— Ну что, герои? Где прятались, пока Город горел? В какой щели отсиживались?

Кара мгновенно потеряла контроль — челюсть стиснулась, кулак сжался. Я положил руку ей на плечо.

— На Зубах были, — ответил ровно. — Выходили за ресурсами, так Прилив застал, пришлось пересидеть на скале.

— На скале! — старший покачал головой с театральным сочувствием. — Тяжко было, наверное. Камушки острые, ветер холодный. А тут, значит, без вас справлялись. Северную стену ломали — а вы на камушках греблись.

Четвёрка за его спиной устало ухмылялась. Скорее по инерции, будто им нужна хоть какая-то мишень для злости, чтобы не сойти с ума.

— Форма у тебя интересная, — сказал я, кивая. — Грязь свежая, сверху. А под ней — чистая ткань. Руки без мозолей, ногти целые. Твои ребята в крови по уши, а ты будто недавно из кровати вылез.

Ухмылки за спиной старшего погасли. Четвёрка переглянулась.

— Эти парни стену держали, это по ним видно, — я кивнул на уставшую четвёрку. — А ты меня в крысы записал... Интересно. Не потому ли, что по себе ровняешь и сам гонял крыс в подвале, пока сыпались перекрытия?

Старший побагровел. Ухмылка слезла с его лица, и в следующую секунду он сорвался.

Шагнул вперёд, вскидывая руки, чтобы схватить меня за грудки, рвануть вниз и впечатать свой лоб мне в лицо. Уличная классика.

Но он не учел двух вещей. Во-первых, во мне сейчас два метра роста и аномальная сила для южанина. Во-вторых, он не знал кикбоксинг.

Прочитал его движение еще до того, как глупец оторвал заднюю пятку от земли.

Я не стал отступать. Вместо этого сделал короткий, жесткий полушаг навстречу.

Моя рука вылетела навстречу. Встретил его жестким основанием ладони — ломать костяшки кулаком о чужую грудину в доспехе будет только идиот. Никакого замаха — глухой, прямой упор, в который я вложил всю массу своего тяжёлого тела, помноженную на его же кинетическую энергию.

Стражник налетел на мою руку, как на каменную колонну. Воздух с глухим хрипом выбило из его легких. От резкой остановки его голова мотнулась назад, позвоночник хрустнул, и он отлетел на шаг, судорожно хватая ртом пропавший воздух. Глаза выкатились, пытаюсь осознать, почему этот подсобник ощущается как стена.

В ту же секунду раздался лязг вынимаемого из ножен меча, а следом — утробный, вибрирующий рык.

Сирка оказалась между мной и стражником. Гончая припала к земле, обнажив клыки в ладони от его коленей. Кара стояла на полшага впереди, наполовину вытянув клинок из ножен. В её глазах не было ни капли сомнения — одно лишнее движение стражника, и она снесет ему голову.

Четверка солдат позади напряглась.

— Я смотритель Гордея, — произнес спокойно, глядя сверху вниз на согнувшегося, кашляющего старшего. — Лично отвечаю за зверя барона Корфа. Со мной сестра, укротитель со Зверем Духа. Мы возвращаемся с вылазки. И мы идем в Яму. У вас есть вопросы к людям Гордея?

Имя барона Корфа сработало, как ведро ледяной воды. Стражник медленно выпрямился, держась одной рукой за ушибленную грудь и стараясь не делать резких движений из-за рычащей у его ног Сирки. Он сглотнул, бросил быстрый взгляд на светящиеся татуировки Кары и отступил.

— Ну и тварь, — прохрипел он, пытаюсь сохранить остатки лица. — Гончая?

— Песчаная гончая, — холодно ответила Кара, убирая меч.

Старший посмотрел на гончую ещё секунду, потом коротко кивнул.

— Ладно. Проходите. Завтра до полудня — на учёт, оба. Всех, кто возвращается, записывают.

— Придём, — сказал я и двинулся к брешу.

— Эй, — окликнул старший, когда мы уже проходили мимо баррикады. — Подсобники.

Я обернулся. Его лицо изменилось — ухмылка и злость ушли, осталось что-то усталое и честное.

— Мы тут через ад прошли, сорвался, забыли. Не говорите Корфу. А в вашей Яме завал был. Камень обрушился, ча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.